

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ

БУДНИ АНЕСТЕ- ЗИОЛОГА

18+

ТОП-БЛОГ
LIVEJOURNAL

FUNUS
FESTUS

Звезда соцсети

Александр Иванов

Будни анестезиолога

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Иванов А. Е.

Будни анестезиолога / А. Е. Иванов — «АСТ», 2018 — (Звезда
соцсети)

ISBN 978-5-17-110250-0

«Будни анестезиолога» – это сборник коротких рассказов из практики врачей неотложной медицины. Истории фантастически-абсурдные, утомительные до колик в животе, честные до головной боли и просто искренние и трогательные. Здесь собраны истории о тех, кто работая в нездоровом графике спасает чужие здоровье и жизнь. Есть ли жизнь после анестезии, любовь после операции, смех после шунтирования, радость после колоноскопии, слезы после сотрясения? Да чего только нет в нашей жизни и в жизни врачей – героев, у которых вместо медалей бирки с именем на халате. Книга содержит нецензурную брань.

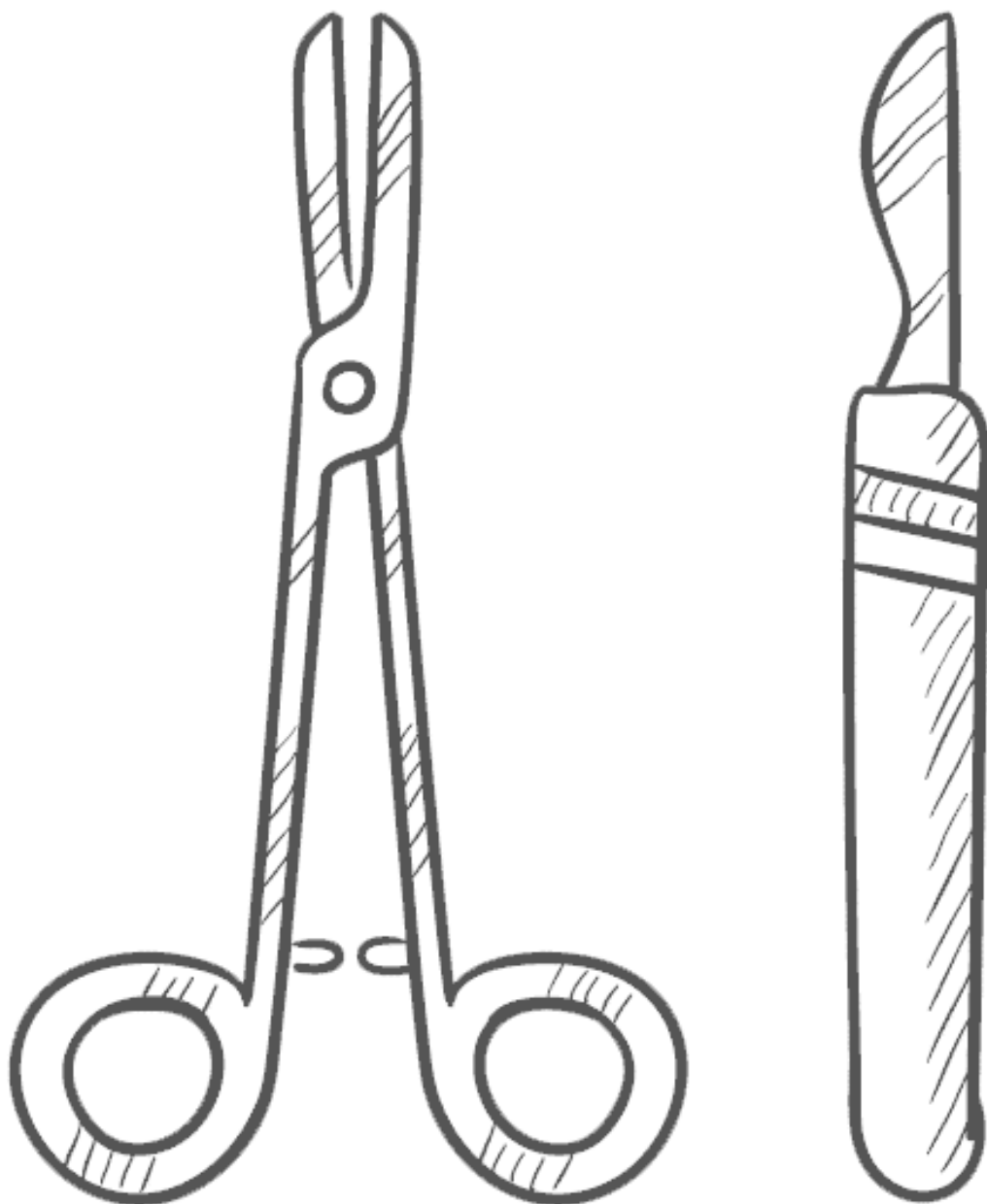
УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110250-0

© Иванов А. Е., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть 1	7
Первый медицинский институт	7
Сварщик	9
Кислород	10
История дырки	11
Неукротимость белого человека. Гений	12
Мокрота на ВК	15
Боря	16
Порхов	19
Ящик	21
Coitus letalis	23
Память	24
Часть 2. «Скорая помощь»	25
Дубровский	26
Потеря	28
Подводный Болт	30
Горе от ума	31
Булимия	33
Львов	35
Выговор	36
Кома	37
Роковые яйца	39
Трудный путь	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Иванов
Будни анестезиолога

© Иванов А. Е., текст

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Вместо предисловия

Всем известно, что вылизывает себе кот, когда ему нечем заняться. Природа не подарила нашему позвоночнику такой гибкости и лишила человечества возможности заниматься этим простым и приятным делом. Поэтому, когда у человека появилось время, свободное от добы- вания и переваривания пищи, он стал придумывать, чем скрасить свой досуг. В этих поисках ему пришлось развивать интеллект и, как следствие этого, заняться творчеством, искусством, наукой, в частности научиться писать и читать. В этом я вижу основную причину прогресса человечества, хотя большинство из наших занятий по своей пользе и смыслу не многим пре- восходит то дело, которым занимается такое животное, как кот. Для тех, у кого такое свободное время есть, одно из таких занятий могу предложить. А именно – книжку, сборник коротких рассказов из практики врачей неотложной медицины. Все истории, даже если покажутся вам фантастическими, имели место в действительности. Описанные персонажи реальны, совпаде- ние имен и географических координат случайно.

Часть 1

Первый медицинский институт

Случилось то, о чем мечтал со школьных лет. И не скажу, что рад этому событию. Наконец-то закончил свое тесное общение с пенсионным фондом и, как бы сказали в ветхозаветные времена, выхлопотал себе пенсию. Однажды, сидя на дежурстве, подсчитал, что набралось у меня трудового стажа 30 лет. Стаж идет у нас год за полтора в связи с вредными условиями труда, а если учесть, что к каждому году еще прибавляется три месяца за работу на селе, то давно уже больше. Видимо, на селе вредность выше. И долго бы еще не вспомнил, что пора оформлять пенсию, но времена настают смутные, нашу сельскую богадельню могут вообще закрыть в связи с идущей по стране оптимизацией здравоохранения или могут просто сократить. Пусть пенсия смешная, чуть больше, чем стоят мои два дежурства, но к ней есть бонусы, например бесплатный вход в Эрмитаж, а по выходным можно бесплатно зайти в ЦПКО. С утра билеты в баню по смешной цене, пусть я в баню и не хожу. Налоги можно не платить за квартиру, за дачный участок. Да и за машину тоже, правда, если только ее мощность меньше 160 л.с. У меня меньше. Жаль, а я думал с пенсии «Ягуар» купить. Скидка на проезд, хотя муниципальным транспортом я все равно не пользуюсь и в электричках не езжу. Но главное в статусе пенсионера – это возможность послать начальство в задницу, если заговорят о сокращении, пусть увольняют, непрерывный трудовой стаж тебе больше не нужен. Какой-никакой, а постоянный доход у тебя будет, и костлявая рука голодной смерти не так страшна, месяца два-три от дистрофии ты не умрешь.

Печально, что в пенсионном удостоверении не напишут о том, что пенсия льготная, начислена за стаж работы или по за выслуге лет, так нет, пишут: «по старости». Хотя понятно, в России есть всего три повода получить пенсию: по старости, по инвалидности и в связи с потерей кормильца. Инвалидности, слава богу нет, кормильцев не терял (если только считать кормильцами наших больных, но они не в счет), остается один вариант – старость. Обидно, какая тут старость, если еще спокойно можешь после выпитого литра водки сделать все, что обычному человеку хочется после этого сделать, ну например, заехать кому-нибудь в морду. Только вот почему-то все реже хочется делать и то и другое, как говорится, в 50 с небольшим ты не способен на то, что в 20 с большим. Наверное, это и есть старость? Или ее незаметное начало. Это только в рекламе какого-то пенсионного фонда спрашивали: «А каким пенсионером хотел бы ты стать?» И дальше шла куча идиотских неологизмов: ты можешь стать танционером, спортционером. И показывали старичков, танцующих с бабушками и играющих в баскетбол. Чушь, каким бы ты ни хотел стать пенсионером, судьба у тебя одна – станешь ты старым пердуанером.

Коллеги на работе отнеслись к моим намерениям в отношении пенсии по-разному. Успевшие оформить, тем, кому хватало стажа, торопили: «Давай-давай, пенсионный возраст вот-вот поднимут, а всякие досрочные пенсии отнимут наверняка». Завидовали те, кому стажа не хватало. Один знакомый коллега-грузин возмущался: «Да на какую пенсию ты собрался? Тебе еще пахать и пахать! Вон бабушка моя, еще жива, она до девяноста лет анестезиологом работала, на все сложные случаи ее до самого конца из дома вызывали. С детства помню ее вопрос по телефону, когда звонили с работы: “Сколько?” Я все время думал, что она спрашивает про возраст пациента или там про его вес. Не, она спрашивала, сколько ей заплатят. А потом кричала, что я за эти деньги свою жопу со стула не подниму. Всю жизнь брала деньги

с больных, со всех. Только один раз в жизни не взяла денег – со своего мужа. То есть с моего дедушки. Он потом сразу после операции умер. Взяла бы – все было бы нормально».

Но главное, сам почему-то боялся: вот соберу все документы, соберу все выписки и справки, а дело это хлопотное, приду в пенсионный фонд, начну говорить, что вот, по закону мне пенсия положена, стаж уже достаточный, а меня спросят: «Хочешь получать пенсию? А что ты, лично ты, полезного сделал для пенсионного фонда? Чем ты занимаешься, какая от тебя для него польза?» И что я отвечу? Отвечу, что бабушек лечу, ровесниц Октября. А мне ответят: «Так от тебя фонду только одни убытки, нет уж, иди, работай, пусть этим бабушкам с твоих пенсионных отчислений пенсию и платят, а ты подумай над вопросом, как пенсионному фонду денег сэкономить. Придумаешь – приходи». Придумывать тут нечего, как на одном полузакрытом совещании в комитете по здравоохранению выразился один наш известный государственный деятель, сказав, что у гражданина России должна быть одна обязанность, – умереть сразу после выхода на пенсию. Лучше не скажешь. Жаль, фраза не попала в официальный отчет для прессы, разошлась только в записи благодаря тем, кто догадался на совещании включить диктофон, чтобы дома прослушать речь еще раз и не пропустить ни капли государственной мудрости, вытекающей с трибуны.

Но решился, пошел в отдел кадров за справками. В кадрах отнеслись с пониманием, даже выдали под расписку и под честное слово трудовую книжку. Давно не держал ее в руках, лет двадцать. Сижу, изучаю. Первая страница – образование: среднее, указана профессия: не имеет. И наверное, думаю, это правильно, какое у меня образование? Дай бог среднее. Школа и ликбез под названием «Первый медицинский институт». А профессия? На второй странице запись, что принят на работу бетонщиком второго разряда. Вот надо было на ней и остановиться. Так нет, далее идут разные специальности: просто грузчик, грузчик-экспедитор, сторож. Ближе к концу, перед вкладышем, мелькает что-то связанное с медициной: фельдшер, «палатная медсестра». Почему-то написано вместо «палатная» – «платная». Снова грузчик, работал, учась в институте – грузчикам в советские времена больше платили. Высшее достижение в одной из строительных специальностей: каменщик третьего разряда. И резкий рывок из грузчиков во врачи, без всякого перерыва на учебу. Хотя нет, после должности грузчика транспортного отдела есть запись: принят в институт и отчислен в связи с окончанием. И ничего, работаем, претворяем в жизнь ленинский лозунг, что у нас каждая кухарка может практически все. И всего две записи о месте работы в качестве врача. Врач «Скорой помощи» и врач анестезиолог-реаниматолог отделения реанимации. Не густо. Даже когда окончательно выйду на пенсию, не о чем будет и написать в мемуарах.

Попробуем вспомнить, с чего все началось.

Сварщик

День, когда сдал последний вступительный экзамен в институт. Списки зачисленных должны были вывесить через неделю, но набранных 22 балла должно хватить, четыре экзамена плюс средний балл аттестата. Помню, вечером оказался я на платформе 67-й километр с двумя ведрами грибов. Присел на лавочку, жду электричку. Прицепился какой-то алкаш, стрельнул беломорину, начал разговор за жизнь:

– Ты молодой, ты иди сварщиком. Приходи ко мне в цех – научу. Всегда будешь с работой, всегда будешь при деньгах и при бабах.

– Да я вот только что в институт поступил, – и добавил с гордостью, – в медицинский.

– Ну ты и мудак, – ответил мужик, – пожалеешь.

Ну знал я, что классный сварщик заработать мог по тем временам неплохо, но при чем тут бабы? В общем, не прислушался я к совету, не задумался, пропустил. И наверное зря. Сегодня с утра стою один на балконе, курю. Внизу во дворе наш debilковатый водопроводчик из ТСЖ занялся ремонтом палисадника. Притащил сварочный аппарат, готовится. Сварщик из него такой же, как и я, хотя мне кроме прутьев арматуры ничего сваривать не приходилось. А тут работа тонкая – ограда. Эстетика. Одна секция вылетела накануне, когда на нее пытался присесть один сосед, перед этим долго спавший в траве на газоне. Но председатель приказал, а для нашего сантехника, отставного майора, приказ – святое. Люблю смотреть, когда люди осваивают новое для себя дело, всегда ждешь интересного. Задержался. Водопроводчик натянул брезентовую куртку, завязывает на голове тесемки шлема, примеряет ремни маски. Молодец, техника безопасности, но чувствуется, что оттягивает момент начала работы. Мимо идут две соседки, молодые мамы с колясками. Гуляют с детишками, попутно посасывая пиво.

– Ой, а что вы собираетесь делать?

– Не видите? Забор чинить!

– А мы подумали, вы к ролевой игре готовитесь, хотели предложить поучаствовать.

– Не мешайте, лучше отойдите, опасно!

Девчонки обиженные отходят в сторону. Вступаю в беседу:

– Девчонки, а хотите, сыграйте со мной, я азартный.

– А у вас что, тоже сварочный аппарат есть?

– Нет. Сварочного аппарата нет, есть бензопила. Есть болгарка. Если скучно – заходите.

– Не, мы хотели с Володей, со сварщиком. А костюм сварщика у вас есть?

– Нет, есть костюм Деда Мороза. Есть гидрокостюм, акваланг. Не подойдет?

– Не, не подойдет.

Интересно, почему именно со сварщиком? Почему не подходит Дед Мороз? К тому же я моложе, а Володя не обращает на девчонок внимания, включает трансформатор, надевает маску. Удар – электрод намертво приваривается к забору. Учитывается ошибка, со второй попытки железный столбик забора разрезается пополам. Опять неудача. На третий раз попытка удачная, но не успевает мастер отойти в сторону, полюбоваться на труд, как секция от порыва ветра падает. Девчонки разочарованы и уходят окончательно:

– Плохой вы сварщик, Володя, не хотим мы с вами играть.

Кислород

Воспоминания об институтских временах не вызывают никакой ностальгии. Если случается пройти по территории своего бывшего института, значит, просто через институт ближе. Само собой, вспоминаешь те годы, когда смотришь вокруг: этого не было, а наоборот, тут что-то было, снесли. Смотрю, построена новая кислородная станция, не слишком ли близко к корпусу? Впрочем, не мое это дело. Естественно, вспоминается история.

В старые времена, когда кислород в клиники еще привозили в баллонах, хранились они в отдельных пристройках, и была самая лучшая в мире работа для студентов: кислородчик. Платили немного, но зато работа простая, утром открыть баллоны, вечером закрыть. Если есть операции по ночам, тебе звонят: открой баллон. Открываешь, спишь дальше. Но по ночам в институте оперируют редко. Естественно, на эту работу было не устроиться, и трое молодцев крепко держались за место. С утра открывали вентили, шли на занятия, вернувшись – закрывали. Собственно, то же самое я делаю сейчас совершенно бесплатно. Привозили и меняли им баллоны другие люди, профессионалы. Только однажды случилась вакансия, но вовремя не удалось устроиться, желающих хватало. Было так.

В работе имелось два недостатка: первый – нечем заняться по вечерам. Интернета не было, телевизор притащить? Но в глубине двора он не словит ни один из тогдашних трех каналов. В результате ребята занимались промыслом. Один притащил вязальную машину, вязал на продажу свитера. Второй, имевший способность к шитью, кроил брюки, а третий, умелец-краснодеревщик, приволок токарный станок и вытачивал на нем изделия, почему-то чаще всего делал ручки для самоваров.

Второй минус – в пристройке не было водопровода и канализации и, соответственно, нужника. На стенке висел рукомойник, помыть руки можно. А как делать остальное? Ходить по ночам на улицу? Отлить ночью можно, что и делали за углом пристройки, который почти развалился от сырости, смотрю, не починили до сих пор, а до ближайшего сортира в клинике пульмонологии далеко, метров 200. И в результате в каптерке стояло ведро, в народе – параша. Обычное ведро, уходя изволь вынести, промыть в ближайшей луже, приготовить для сменщика.

Ну и в один день дежурный, кажется вязальщик свитеров, нажравшись в дым, выделил из себя различных жидкостей, наполнив ведро до краев. И уснул на топчане. Главное, что уснул, мудила, с сигаретой в зубах. Задымился матрас, из окон клиники увидели дым. Пожар в кислородной это катастрофа, это же сейчас как пи...ет! Народ отскочил от окон, кто-то побежал в другой конец здания клиники, и только начмед, тетка или храбрая, или безбашенная, побежала в кислородную. И видит тлеющий матрас, видит спящего на нем работника, начинает бороться с пожаром подручными средствами, а под рукой оказалось ведро с жидкостью, и естественно, этой жидкостью, то есть дерьмом обливает матрас, обливает спящего на нем студента и заодно себя. Стоял такой крик, такой мат, что случись взрыв, на сто процентов вокруг было бы тише. Парня гонят с глаз, мокрый, облитый дерьмом, в мороз топает домой. В метро, понятное дело, его не пускают. В итоге выгоняют с работы, не помню точно, с института погнали или нет. Хотя, кажется, нет закончил.

История дырки

Иногда притормаживаю у здания нефрокорпуса и, как всегда, смотрю вверх, на дырку в капитальной стене здания, на самом верху, никак не предусмотренную проектом. Но для нас это не просто дырка, для нас это память об учебе в институте. История дырки такова. Нефрокорпус института строился ударными темпами лет 20. Последнее, что помешало – московская Олимпиада восьмидесятого года, когда все силы и ресурсы были брошены на нее. Лет пять после никакого движения на стройке не было. Наконец в середине 1980-х встал вопрос: или достраивать, или снести, или ждать, когда недостроенный корпус сам развалится окончательно. Решили, что дешевле достроить. И нас, на шестом курсе, отправили не как положено студентам – убирать морковь, а на завершение стройки. На пару с другом Лехой выдали нам компрессор, пару отбойных молотков – работайте. Работа творческая, с утра заливали солярку, заводили компрессор, разворачивали шланги и приступали к удалению лишнего.

За годы строительства прогресс не стоял на месте, в проект новой клиники вносились изменения, что в сочетании с распиздяйством и высокой технической грамотностью строителей давало результаты. Поэтому работы для отбойного молотка за 20 лет накопилось достаточно. Так, кто-то решил на каждом отделении обустроить чудо техники: лифты для подъема кормов из пищеблока. Маленькие такие лифты с узкой шахтой, на платформочку которых умещалась только тележка с кастрюльками. Удобно, по замыслу архитектора еда должна была носиться вверх-вниз по этажам, минуя общие пассажирские лифты. Каменщики в строгом соответствии с планом выложили на каждом этаже шахту, такую маленькую кладовочку, метр на метр, оставив вход в нее у самого пола, больше напоминающий леток улья. Но! Перекрытия между этажами как были сплошными по изначальному проекту, так и остались. Тут без отбойного молотка никак. И начали мы ломать эти бетонные плиты. Работа тяжелая, бетон за годы набрал прочность. Приходилось на карачках забираться в леток, напарник подавал молоток, и ты в темноте, в замкнутом пространстве, начинал бить отбойником в пол у себя под ногами, ожидая, что вот-вот – и плита провалится вниз, а ты повиснешь на страховочном тросе. К счастью, до этого не доходило: как только остатки плиты начинали раскачиваться, готовые рухнуть вниз, мы успевали выбираться и снаружи расхерачивали ее остатки. Для спасения от пыли и грохота в стенке шахты сбоку мы пробивали отверстие, куда и высовывался ебальничек, дышать. В конце, перед тем как сдать работу прорабу Славику, дырка закладывалась кирпичами. Звук отбойника уносился вниз, резонируя где-то в подвале, рядом было почти тихо, но при этом из дыры в стене высовывалась мелко вибрирующая рожа. Кто проходил мимо, смотрел на нее и думал: интересно, а чем это там занимается человек в кладовочке? Дрочит? Так почему-то считали все и были не сильно далеки от истины.

Наконец мы добрались до чердака, где должен быть установлен моторчик лифта. Там было сложнее, требовалось что-то измерить, вырубить какие-то фигуры в полу. Но на чердаке темно и было лень искать провода, лампочки, проводить туда свет. Да и зачем, когда у тебя в руках отбойный молоток, а на компрессоре ты в нарушении правил безопасности поставил 8 атмосфер? И уже появился навык работы с отбойным молотком. Пять минут, и в капитальной стене проделано окошко. Главное было успеть его заложить кирпичами, пока не появился прораб. Прораб до вечера не появился, зато неожиданно появилась бригада белорусов-отделочников, которые снаружи обкладывали кафелем стены. Эстетика. Решив, что дыра – это так и надо, они аккуратно обложили ее плиткой. Закладывать дыру кирпичом было уже поздно. Славик, посмотрев на нее, достал чертеж, поставил на нем какую-то точку и махнул рукой: черт с ней, никто не заметит. С тех пор эта дыра так и осталась на ровной стене клиники, как память.

Неукротимость белого человека. Гений

Был у меня в институтские годы друг, ныне, естественно, покойный. Звали его Мишкой. Знакомы мы с ним были еще со школьных лет, оба в один год собирались поступать в медицинский, думали учиться вместе. Но почему-то он, окончив школу с золотой медалью, выбрал не Первый мед, а менее престижный Педиатрический институт. Институт он тоже закончил с красным дипломом, что при его памяти было не сложно. Был он ярким примером правдивости тезиса нашей РПЦ о бесовской сущности младенцев, зачатых во время поста. Судя по дате его рождения, зачат он был именно в те дни. В качестве повода для пьянки ему не хватало новогодних праздников, поэтому он умудрился еще и родиться 31 декабря, что отмечалось дополнительно. И была у него в связи с этим традиция: под Новый год или вскоре после него ломать длинную трубчатую кость. Желательно не просто кость, а в месте, где она образует сложный сустав. Голень, бедро, локоть. Один раз Новый год мы встречали вместе и как вместе с женами ни старались его уберечь от поступков, он умудрился практически на ровном месте сломать лодыжку. Это был, пожалуй, самый нетравматичный день его рождения за все последние 20 лет жизни. Но что интересно, кости срастались на нем замечательно быстро. После оскольчатого перелома бедра, который без операции срастись не мог никак (сам видел снимки, когда нашел его в одной из больниц, куда он попал как неизвестный), через пару-тройку месяцев он уже бегал без костылей и без всякой операции. Оперировать его отказались. Каким-то образом он умудрился, лежа на скелетном вытяжении, напиться в хлам, хотя уверен – никто из знакомых спиртного ему не приносил. При этом пытался соблазнить дежурную медсестру, и попытка наверняка могла бы оказаться успешной, если бы вся конструкция из шины с противовесами не грохнулась на пол. Вместе с Мишкой и медсестрой. Бедро в месте перелома согнулось под углом, на крик прибежал дежурный врач, и моего друга, выведя в реанимации из шока, выписали за нарушение режима. Не иначе как травматолог сам подкатывал шары к этой медсестре. Загипсовали его от пятки до самой шеи и такого каменного гостя привезли домой, жене.

Помаевшись от безделья, лежа на кровати, а жена не приносила вожделенного продукта, и при этом еще уходя запирала снаружи дверь, чтобы пресечь контакты с друзьями, друг изобрел способ передвижения. Попросил жену купить костыли. Та, не подозревая неладного, приобрела. Способ был прост и гениален. Костыли были отпилены, укорочены наполовину, а к заднице ремнями привязывалась табуретка. Для снижения центра тяжести тоже с укороченными ножками. В таком полулежачем положении, с упором на короткие костылики, появилась возможность поступательного движения. Обретенную свободу Мишка использовал сразу, но секрет ее обретения долго держался в тайне. Было понятно недоумение его супруги: как же так? Заперт в квартире, не мобилен, алкоголь принести никто не может, а каждый вечер пьян как скотина. Первое время раздражали ее звонки и громкие вопли по телефону: «Ты, сволочь, ему водки принес?» (Жена была родом с Кубани.) Вскоре сразу стал вешать трубку, надоело объяснять, что не заходил и не приносил.

Но все тайное становится явным. Как-то выхожу из метро на проспекте Просвещения, останавливаюсь закурить и вижу: проспект пересекает какая-то странная конструкция, вроде как человек на костылях, завернутый в одеяло, но почему-то очень маленького роста и на четырех ножках. И прыгает через дорогу в ближайший шалман. «Мишка!» – думаю, и точно он. Зашел в распивочную, а друг уже у прилавка, уже присосался к стакану со своей любимой «отверткой». Пришлось составить компанию, потом тащить домой, дома отобрать средства передвижения. Костыли отдал соседям с просьбой передать жене. Травматическая болезнь заразна, пока затаскивал каменное тело в лифт, сломал палец, но не идти же с такой мелочью, да еще и на кочерге в травмпункт, по пути в аптеке купил гипсовый бинт, дома сам наладил

повязку. Тайной осталось только то, как он покидал запертую квартиру? Об этом он не сказал даже мне.

Но в одном покойный Мишка был гением: не задерживаясь за последние 10 лет ни на одной работе дольше полугода, из которых большую часть времени тратил на оформление, умудрялся худо, но и не очень бедно содержать семью, пока она была, а уж по части добывания денег на спиртное в трудную минуту ему не было равных. Надо было записывать его способы, издать книгу: «Справочник профессионального алкоголика». Вот пара примеров.

Способ 1. Устаревший, имеет только историческую ценность, использовался во времена, когда не было сотовых телефонов и мобильной связи. Мишкин сосед был человеком состоятельным, директором довольно крупного питерского завода, но тоже пьющим. С похмелья на работу не шел и руководил предприятием по телефону. Телефон человеку был необходим. Перерезался телефонный провод, ведущий в его квартиру. Вскоре на пороге появлялся Мишка:

– Сосед, можно от тебя позвонить? Срочно, а у меня телефон отключен, за неуплату. (Вариант: разбил свой по пьянке, бывает, сам понимаешь. Сосед понимал.)

Кто откажет соседу? Мишка поднимает трубку:

– Ой, а у тебя телефон тоже не работает.

Действительно, в трубке тишина. Мишка:

– Ладно, я сейчас пойду, позвоню из автомата, давай заодно тебе мастера вызову. Жди.

Через полчаса в сопровождении Мишки появляется Мастер. На роль мастера приглашался более-менее трезвый собутыльник из соседнего подвального. Мастер, осмотрев аппарат, убеждает соседа в его неисправности:

– У вас сложный аппарат, беспроводной, тут сразу не починить, если хотите, возьму с собой, дня два-три...

Сосед в панике, связь ему нужна. Мастер предлагает решение:

– Я вам могу, конечно, свой оставить, но он мне нужен, сами понимаете, работа.

В итоге сосед выкладывает приличную сумму за старый задроченный аппарат, заклеенный, перемотанный изолентой. В это время Мишка соединяет провода на лестнице.

– Вот, смотрите, работает. Пока пользуйтесь, а ваш давайте, я починю, принесу завтра.

На следующий день сосед в очередной раз платит, теперь уже за ремонт своего исправного аппарата.

Способ 2. Один из Мишкиных соседей строит дачу, не просто дачу, а загородный дом, водопровод, канализация, центральное отопление. Узнав, когда дома осталась одна соседская жена, Мишка приносит к нему в квартиру два конкретных чугунных вентиля, подходящих для магистрального водопровода, весом килограммов по 50 каждый. Мишка был сильный человек. Где он их взял, неизвестно.

– Привет! Твой муж просил достать, ему надо для водопровода, держи.

Жена в недоумении, типа, я не в курсе. Зачем ему такие?

– Не знаю, зачем, он просил, я достал.

– А сколько стоит? – Муж на строительстве, не позвонить.

– Да ты не переживай, мы потом с ним рассчитаемся. Ну я их притащил, если не трудно, не нальешь чего-нибудь?

Хозяйка наливает Мишке стакан-другой, тот довольный уходит. Возвращается сосед:

– Чего за хрень в прихожей?

– Мишка говорит, ты у него просил достать какие-то вентили, он принес.

– Да на хера они мне???

Силенок у соседа не хватает вынести железо на улицу. Но и тут из ситуации извлекается максимальная польза. Неожиданно по квартирам начинают ходить постаревшие пионеры, спрашивая, нет ли у вас металлолома? Готовы купить. На самом деле – люди из того же под-

вальчика. Сосед, желая избавиться от железа, готов не то что продать, а еще приплатить, только заберите. Что и делает. Люди уносят вентили обратно, в результате довольны все.

К сожалению, все еще не сломанные длинные трубчатые кости закончились, и в один из новогодних праздников Мишка проломил череп. Упал, помогли упасть или ударили, так и осталось тайной. Жена к тому времени от него ушла, друзья сделали несколько неудачных попыток вытащить его из сумрака алкоголизма и окончательно поставили на нем крест. Мишка ушел в непрерывный запой, зарабатывая деньги игрой на баяне в подвальчике, и консультировал по вопросам здоровья местных желтоглазых алкашей за сто-двести грамм какой-то спиртосодержащей жидкости, подаваемой в распивочной. В любимом подвальчике его так и звали: Мишка-доктор. В свое время Мишка был врачом замечательным, терапевтом, но не тем терапевтом, с которыми обычно встречаешься в жизни, а настоящим. Мишка помнил все. Пока не было Интернета, он был незаменим. В любое время ему можно было позвонить и задать любой вопрос. Он помнил все болезни, все синдромы, даже описанные всего раза два-три, о которых в советской литературе даже не было упоминаний. Мишка свободно читал на трех языках. Жить с такой головой было трудно, и видимо, в какой-то момент мозг не выдержал нагрузки, а может быть, все началось раньше, здоровый мозг не накопит столько информации. Общался он последнее время только со мной и еще с одним общим приятелем, общался исключительно по телефону, пока телефон не отключили за неуплату. Звонил обычно в три-четыре часа ночи, путая время, начиная разговор с вопроса: «А почему ты не спишь?» Выйти за пределы двора ему не позволяло отсутствие верхней одежды, потерянной, порванной и пропитой. А ехать к нему в гости? Зачем?

В итоге внутричерепная гематома, вовремя не прооперированная, привела к органическому слабоумию и в богадельню под названием «клиника сестринского ухода». Уход там был хороший и быстрый, долго пациенты в ней не задерживались. Но и там Мишка смог отличиться, каким-то образом добыл огонь, хотел что-то закурить, хотя там больным не выдавали сигарет, и устроил пожар. В итоге его перевели в психиатрическую больницу. Узнав об этом, зашел его навестить. Врач на отделении долго меня отговаривала: «Зачем? Пусть вы знакомы с института, он вас все равно не узнает, и вы его тоже». Доктор была права, из палаты вывели совершенно незнакомого старичка, которому было безразлично, кто пришел, зачем. Даже предложение покурить, редкое в дурдоме (я договорился с врачом, она разрешила), не вызвало никаких эмоций. Старичок молча посидел рядом, не реагируя на вопросы, пока два выздоравливающих лося не увели его обратно в палату. Принесенный блок сигарет отдал медсестре, раздавайте больным, в психбольницах сигареты на вес золота, за сигареты психи могут все. Оставил телефон, если что надо – звоните, родственников у него нет. Позвонили через неделю, сказали, что перевели на другое отделение, забыл его номер, но знал, что с этого отделения никто уже не выписывался никогда. Так и вышло, через месяц позвонили, сообщили: умер. Пришлось нам с приятелем заняться похоронами, похоронить самым экономичным классом, не забирая урну из крематория. Куда ее девать? Все равно, где похоронены его родители, мы не знали, да и кто будет навещать могилку? Никто.

Мокрота на ВК

Маленькая реминисценция для любителей грязных историй из интернет-сообщества «Злой доктор».

Смотрю, как тяжело молодежи сталкиваться с окружающим миром, терять иллюзии. Пытаешься успокоить, все через это прошли. Приходилось и самому сталкиваться с иными представителями новой исторической общности людей под названием «советский народ», с гражданами самой читающей и образованной страны мира. Многие запомнились навсегда еще с института.

Помнится, трудился я по ночам санитаром, и одной из моих обязанностей было с утра отнести в лабораторию на анализ образцы различных выделений. Для этой цели предназначается деревянный ящик с продольной ручкой, который испокон веку используется плотниками и больничными санитарями. Объясняю одному из пролетариев, проходящему курс лечения от пневмонии:

– Пожалуйста, в течение дня сплевывайте мокроту в баночку, а утром сдайте на анализ. Если не затруднит, поставьте в тот ящик у черной лестницы, я отнесу.

– Чего сплевывать-то?

– Ну, мокроту. Откашливайте и сплевывайте в баночку.

– Чего?

– Ну харкотину свою, весь день в банку собирай. Понял, мать твою?

– Да понял, понял, не кричи, чего тут не понять. Во дают, никогда такого не было.

– Утром поставишь в ящик, понял?

Смотрю, у гегемона выделяется много зловонной харкотины, майонезной баночкой не обойтись. Нашел в кладовке банку побольше, литра на три. Аккуратно наклеил сигнатурку: ФИО, отделение, палата. Мокрота на ВК. Отнес, еще раз повторил задание. Переспросил, убедился, что задание усвоено.

Утро. Собираюсь в лабораторию, иду к черной лестнице. Гражданин сдержал свое рабочее слово: банка стояла в ящике, переполненная через край. Но не мокротой, а дерьмом. Не поместившееся стекало по краям банки в ящик, крышка плавала сверху. Судя по слоистости, разному цвету и консистенции слоев, кишечник опорожнялся в банку раза три. Первая мысль: откуда в человеке столько? Или просил помощи у соседей? Вторая: а что мне с этим делать? Одноразовых перчаток в те времена не было, идти, просить у хирургов, потом нести отдельно банку на помойку? Уже было мало времени. Так и отнес в лабораторию в ящике, с наклейкой: мокрота на ВК. Пусть ищут в говне бациллу туберкулеза.

На следующий день ждал если не скандала, то недовольства со стороны лаборантов. Но тишина, наверное привыкли, не в первый раз.

Боря

Так и не научился спать на работе по ночам, и если нечем заняться, считаешь часы до конца смены. От скуки шарить по социальным сетям, из отрывков постов и комментариев собрался рассказ об интересном человеке. Наверное, пора открывать серию «Жизнь замечательных людей».

Лет десять назад на Кольском полуострове, на забытом богом полустанке, где на одну минуту останавливается мурманский поезд, сижу на лавочке возле вокзала. Хотя самого вокзала как бы и не существует, есть только киоск для продажи билетов. Прогуляться негде, в сторону поселка идти не близко, да и незачем, а платформа завалена кучками дерьма и обрывками туалетной бумаги. Проводники останавливающихся поездов не считают нужным закрывать на станции туалеты. Закупленное по пути пиво заканчивается, до поезда еще пять часов. Вдобавок стоит влажная жара, что бывает только на Севере, и атакуют комары. Рядом подсаживается явно перебравший накануне гражданин с парой бутылочек пива. Проглотив, открывает вторую. Настроение у человека резко улучшается, человек озирается по сторонам в поисках потенциального собеседника. Вокруг никого, и поиск быстро останавливается на мне.

– Комары достают? Это что! Вот на Ямале – там комары. Вот там гнус. Нас как-то туда на вертолете забросили, посреди тундры. Пилот просит: «Пригнитесь, сдует». Мы сели на корточки, опустили головы, вертолет загудел. Мы сидим, согнувшись. Сидим, сидим, он гудит, думаем – чего ж он не улетает? Кто-то голову поднял, а вертолет-то давно улетел, а то, что гудит, это стая гнуса.

Решив, что заинтересовал меня беседой, начинает знакомиться, представившись начальником местной геологической партии. Следует в командировку в Петрозаводск. Интересуется, чего меня занесло в их края. На этот вопрос мне самому было ответить не просто, я и сам не знал, что именно я тут делаю. Автомобиль «Москвич», купленный у соседа по гаражу за 50 долларов, честно довез меня до берега Баренцева моря, где и был окончательно похоронен. Ехать на нем обратно я не решился, поездка стала совсем не комфортной, через прогнившее днище выпал коврик, и в дождь промокали ноги. А ехать в резиновых сапогах было не очень удобно. «Да так, – говорю, – отдыхаю».

– Случайно не гранаты ищешь? А то многие сюда приезжают, копают. Нет здесь гранатов, ты мне поверь, я уж знаю. Аметисты найдешь, а гранаты можешь не искать. Приезжал тут один, из Питера, водки много привозил, все пытался у меня выяснить, где искать. Ну нету, говорю, нету, сказал бы.

– Да я и не собираюсь, – но рассказ об искателе гранатов заинтересовал. – Его случайно не Борей зовут?

– Борькой, а ты откуда его знаешь?

– Это было лет пять-шесть назад?

– Точно.

– Да есть у меня один друг, одно время вместе в институте учились. А с этими камнями я его тогда на вокзале встречал, он своего друга просил помочь, а друг – меня. Он в поезде несколько тонн породы привез, наломал каких-то камней, потом их дома в порошок крошил, чего-то в них искал. Я как увидел его мешки с камнями, сказал: «На хер, я их в свой “Москвич” грузить не буду».

– Правильно, пустая порода. Мудак ваш Борька. На хера они ему? Слушай, а ты точно камнями не интересуешься? А то могу подсказать, где аметист. Там начинали разрабатывать до войны, я тебе покажу. И вообще тут много чего.

Мужик, чувствуется, ухватился за любимую тему, начал рассказывать о геологическом строении Северной Карелии, Кольского полуострова, об очень полезных ископаемых, добы-

ваемых из его недр советской властью. Рассказывал интересно, для поддержания беседы пришлось даже сбегать за пивком в поселок. Жаль, что после очередной бутылки собеседник обоссался и уснул в мокрых штанах, попросив разбудить его перед прибытием поезда.

А Боря был многим хорошо известен. Что-то было в нем от отца Федора, одержимого желанием разбогатеть. Решив, что перестройка – время больших возможностей для предприимчивых людей, начал бросаться в авантюры. Обычные в те годы способы предпринимательства, торговля, рэкет его не интересовали, Боря хотел найти свой путь. Первое, что он сделал на пути к будущему богатству, – залез в долги и купил дорогущего персидского кота. Кот и правда был хорош, хотя не знаю, стоил ли он заплаченных за него денег или нет. В окрестностях для кота было отловлено пара десятков невест. Когда они принесли первое потомство, полуперсов, кошки были отправлены обратно на помойки, котята мужского пола розданы знакомым, а женского пола оставлены. Когда кошки подросли, кот, как праведник Ной, огулял своих дочерей. Родившиеся от них котята, уже персидские на три четверти по крайней мере, смахивали на персидских. Боря начал ими торговлю, приписывая липовые родословные. Первым итогом кошачьего бизнеса стал уход жены, которая отказалась жить в проссанной кошками квартире. Продать котят с выгодой не удавалось, никто платить за них не собирался, у людей в начале 90-х были другие проблемы. К тому же инбридинг не пошел потомству на пользу, котята оказывались болезненными, бесплодными и глупыми.

От кошек пришлось избавиться, и Боря переключился на обезьян. В Абхазии началась война, и Боря с риском для жизни добрался до Сухуми, где из разоренного обезьяньего питомника вывез нескольких макак и шимпанзе. Как ему это удалось – загадка. Держать дома обезьянку можно, но нужна клетка. В клетку была превращена вся квартира. Но обезьяна высший примат, имеет интеллект и как любое умное существо сволочь редкостная. Ни один опытный кот, никакое другое животное не сможет нанести такой ущерб интерьеру, как обезьяна. Пусть она даже мелкая мартышка. От квартиры остались голые стены. Куда он дел обезьян, не знаю, не интересовался. Но иногда в газетах, под рубрикой «Происшествия», мелькали заметки о неожиданном появлении обезьянки в городе. Журналисты интересовались, задавали вопрос: «Откуда в городе неожиданно обнаруживалась бесхозная обезьяна?» – и не находили ответа. У Бори осталась одна, довольно крупная шимпанзе. Прижившись в его квартире, она постоянно возвращалась домой. Да и одинокий к тому времени Боря привязался к симпатичной шимпанзе, видимо, она заменяла ему семью. Он гулял с ней по улицам, часто его можно было встретить сидящим с ней в кафе. Обезьяна вела себя примерным образом, сидела за столиком, привыкла пить и даже полюбила кофе. Правда иногда с соседних столиков воровала печенье, но делала это так ловко, что никто не успевал заметить, куда подевалось песочное колечко с блюда.

Следующей Бориной идеей стало разведение собак. Почему-то была выбрана известная порода ньюфаундленд, собака замечательная, но с ограниченным кругом желающих ее любить и держать дома в квартире. Под собачью ферму были приобретены два участка в дальнем садоводстве под Волховом, две собаки, но на этом дело остановилось. Кобель-производитель, на которого рассчитывал Боря, породистый водолаз, живший у его друга, подвел. То ли оказавшись импотентом, то ли просто не признавший Бориных полупородистых сук.

На этом зоологический бизнес прекратился, хотя в его квартире еще можно было встретить каких-то попугаев и грызунов. Но это скорее для души. Тогда Боря решил, что в душе он инженер и даже в чем-то еще и изобретатель. Какие-то занятия строительством, ремонтом, установкой сейфов и стальных дверей хотя и приносили доход, но не давали радости. Тогда Боря предложил услуги рекламному агентству. Там заинтересовались его идеями и дали работу. Боре предстояло сконструировать и собрать некий стеклянный кубик. Кубик должен был вращаться, светясь изнутри, а на гранях высвечиваться информация, текст, картинки. Кубик, к слову сказать, был построен и долго стоял в сквере у Советской улицы и даже

светился, но не вращался. Вращался он единственный раз, включенный Борей по ошибке, в момент, когда внутрь залез электрик, монтировать лампочки. Боря не заметил электрика внутри полупрозрачной конструкции и отошел любоваться работой. Вращение прекратилось навсегда, когда провод, протянутый электриком внутрь куба для питания электродрели, намотался на ось и разорвался, устроив внутри короткое замыкание. Удар тока выбросил работника наружу, через стеклянную грань куба. Электрик, к счастью, отделался мелочами, царапинами на лице и переломом предплечья. Больше всего его расстроила потеря инструмента.

С тех пор о Боре пошла слава. Никто больше не желал с ним сотрудничать, никто не проникался его бизнес-идеями. Партнеров стало найти трудно. В те годы набирал обороты челночный бизнес, и на нем можно было если не приподняться, так хотя бы заработать начальный капитал. Но в эпоху развитого бандитизма заниматься им в одиночку было небезопасно, с собой товар, валюта, и челноки ездили группами. Брать в свою команду Борю никто не хотел, Боря был известен своими провалами. В те времена получить загранпаспорт можно было только имея приглашение из заграницы, и я признаюсь: поддавшись на Борины уговоры, попросил своих родственников прислать приглашение на его имя. Но ехать с ним я отказался, боже упаси. Боря прокатился пару раз в Польшу, нагрузив баулы изделиями отечественной промышленности, которые славились своим весом и металлоемкостью. После перевозки мешков с породой для него это был не груз. Почему-то особенным спросом в Польше пользовались детские заводные игрушки, железные скачущие лягушки, петушки. После этих поездок квартира Бори стала складом ножей-бабочек. Одно время это была модная игрушка, каждый уважающий себя реальный пацан обязан был носить ее в кармане своих широченных штанов. Но мода на них быстро закончилась вместе с Бориным челночным бизнесом и модой на широченные штаны. Возможно, Боря окончательно насытил ножичками наш тогда еще хрупкий питерский рынок.

Неожиданно Боря исчез. Были мысли – а жив ли? Никто о нем не слышал, никак он себя не проявлял. Но недавно встретился с приятелем, который еще в 80-х свалил на свою историческую родину. Посидели, вспоминали общих знакомых, дошли до Бори. Оказалось, жив Боря, Боря тихо живет в Израиле, работает, говорят, скучает. Ничем необычным не выделяется, маловата страна, нету простора для Бориных идей.

Порхов

Как-то возвращаясь из Пскова по Киевскому шоссе, притормозил у указателя «Порхов». Задумался, а стоит ли городок того, чтобы, свернув с трассы, проехать до него почти сотню километров? И что я вообще знаю о городе Порхов? Знаю, что такой есть. Уже немало. Слышал, что в нем сохранились развалины крепости. А еще знаю, что в 80-е годы там жили серьезные мужики, которым за две недели удалось сделать то, чего в течение шести лет так и не смог добиться весь профессорско-преподавательский состав нашего института. Было так:

Учился на моем курсе один парень, родом с Полтавщины, пример такого малороссийского дебилковатого парубка. Его олигофрения сочеталась с ярким национальным колоритом, с неистребимым акцентом и рубашкой-вышиванкой. Поскольку оказалось, что он еще не только жив, но и вполне дееспособен, назовем его так, как называли в институте: гомункулом. Первые годы казалось, что парень просто не понимает русского языка. Узнав, что я достаточно свободно объясняюсь на украинском, некоторое время набивался мне в друзья, пока не был послан подальше. Как он умудрился поступить в институт, было загадкой. Зато весь курс знал, как он учился. Для тех, кто не учился с ним в одной группе и был лишен возможности личного общения, в штабе ДНД института издавалась неформальная стенгазета, в которой публиковались особенно ценные его цитаты, в основном из ответов на экзаменах. Преподаватель анатомии:

– Вот перед вами легкие ребенка, который не сделал ни одного вдоха.

– А скажите, сколько ему было лет?

В каждую сессию парня пытались отчислить, заведующие почти всех кафедр клятвенно заверяли: «Уважаемый, наш экзамен ты не сдашь». Но гомункул мог неделями преследовать преподавателей, выпрашивать зачеты, разрешения на пересдачу экзаменов. Помню, как одну тетеньку-доцента выворачивало наизнанку, когда он, начиная что-то говорить, путал ударения, постоянно повторяя слова «цЕпочка» и «мокротА». В итоге большинство сдавалось, пусть на пути к диплому его останавливают другие. В особенно трудных случаях из деревни с Полтавщины приезжала мама. Здоровенная такая хохлуха, в цветастом платке, с огромными корзинам в руках. Она заваливалась в деканат, а при приближении декана падала на пол, хватая его за ноги с криком: «Отец родной, не губи! Не гони моего сиротинушку, один он у меня, одна моя надежда!» По полу катились какие-то помидоры, яйца, огурцы и прочий продукт ее подсобного хозяйства. Крик переходил в визг на грани максимальной частоты восприятия человеческого уха, а по мощности далеко превосходил болевой порог. Представить подобный звук может только человек, знакомый с национальными украинскими воплями. В результате декан сдавался. Приказ об отчислении в очередной раз прятался подальше, выдавался очередной допуск к экзаменам, проводились беседы с особенно принципиальными заведующими кафедрами. Декан был мудрым человеком, понимал, что нервы дороже, пусть числится, работать врачом он все равно не сможет. Была еще надежда на военно-морскую кафедру, надежда, что суровые морские офицеры выдержат натиск мамыши. Но не выдержал и наш клуб веселых капитанов второго ранга, и гомункул с очередной попытки получил зачет по курсу с загадочным названием ОТМС. Кстати, долго оставалось загадкой само значение слова ОТМС. Что-то подсказывало, что это скорее всего аббревиатура, но ее расшифровка оставалась тайной. По логике, буквы М и С обозначали медицинскую службу, но что значили О и Т? Явно не оперный театр.

Когда нашему курсу пришло время сдавать госэкзамены, наш гомункул еще сдавал зачеты за четвертый курс. Во второй половине восьмидесятых, на закате советской власти еще сохранялось такое понятие, как распределение, но уже считалось хорошим тоном поиграть в демократию и задать выпускнику вопрос: «А где бы вы хотели работать?» И сделать вид, что к

его просьбе прислушались. На самом деле все было решено заранее, и комиссия из представителей различных управлений Минздрава собиралась чисто для проформы. В ответ на заданный вопрос, кем бы вы хотели стать, комиссия услышала: «А я бы хотел стать акушером-гинекологом». Пауза. Попасть на гинекологический поток было мечтой половины курса, а на него брали всего 30 человек из шестисот. И никакие связи, знакомства, деньги, заслуги перед комсомолом и компетентными органами не могли дать гарантии, что ты на него попадешь. Наконец кто-то решился прервать повисшую в зале тишину:

– Молодой человек, но вы же терапевт.

– Ну тогда хирургом...

Неожиданно из глубины зала вылезла какая-то тетка из курортного управления:

– Он мне подходит, мне такие люди нужны.

И парень, закончив институт терапевтом, отправляется в интернатуру по гинекологии. А после интернатуры едет работать в город Порхов. Не знаю, наверное там есть какой-то санаторий, где в штате числится акушер-гинеколог. В итоге через две недели врачебной практики местные ребята навешивают ему жесточайших звездюлей и, по слухам, разносят всю его комнату в общежитии, расхерачив окна и двери. И наш парубок, в чем был, едва ли не в одних домашних тапочках, оставив там даже документы, бежит в Питер. На этом его врачебная деятельность заканчивается, как всем нам тогда казалось – навсегда. Какое-то время он попадался на глаза, в основном в центре города. Выглядел как типичный БОМЖ, ходил зимой в сандалиях без носков и в солдатской шинели, по слухам, чем-то торговывал на рынке. Где жил, на что, было не известно. В контакт с ним я старался не вступать, заметив, чаще всего в районе Апрашки, обходил стороной. Жив он или сгинул где-то в питерских подвалах, никто из однокурсников не знал.

Но вспомнив, просто так, ради смеха, решил набрать его фамилию в «Яндексе». И результат: во всех социальных сетях – он, сомнений нет. «ВКонтакте» онлайн с утра до вечера. Видео на «Ютубе», фотографии. Изображен в приличном костюме, имеет галстук. Рекламирует свою фирму, в которой он якобы гендиректор. Сфера деятельности фирмы поражает: от медицины до торговли и грузоперевозок. Торгует всем, кроме автомобилей. Стоит задуматься. Если человек с тяжелой дебильностью вполне адаптировался, какие горизонты открываются для людей с дебильностью легкой! Каких успехов они могут достичь! И ведь достигают, примеров тому тьма.

Ящик

В свое время мечтал о поступлении в ВМА, Военно-медицинскую академию. Когда развалился Советский Союз, когда разогнали армию и сотни офицеров, в том числе и врачей, оказались не у дел, даже радовался, вспоминая, что не смог поступить, прошел медкомиссию. Это сейчас стало в армии совсем не так, как в прошлые времена. Каждый день проезжаю мимо военного городка, смотрю на новые дома с квартирами для офицеров. Вечером во дворы не заехать, а если заедешь – не припаркуешься. Все со службы возвращаются на своих автомобилях, из которых редко встретишь продукт российского автопрома. Теперь приходится служить не только за царя и отечество, но и за приличную зарплату. Наверное, тяжело замполитам, или как их там сейчас называют. Легко промывать мозг голодным солдатам и бездомным офицерам, сытый тяжело воспринимает идеологическую накачку, у сытого другие стимулы в жизни. Вот в Красной армии... Хотя нет, вспомним только одну историю.

Еще в институтские годы занесло меня в одно офицерское общежитие, школьный приятель приехал учиться в артиллерийскую академию, пригласил в гости. Зашел. Находилось оно в интересном районе Питера, практически в центре города. Все горожане могут представить участок, ограниченный Загородным проспектом, Гороховой улицей, набережной Фонтанки и Бородинской. Но квартал внутри, даже не квартал, а целый район, уверен, практически никто, кроме его обитателей, не посещал. Нет, зайти туда днем было не страшно, но без нужды ни у кого желания не возникало. А внутри был какой-то полузаброшенный город, свалки, заросший стадион, двух-трехэтажные дома барачного типа. В одном из них и было общежитие.

Общага она и есть общага, пусть там живут люди с семьями, пусть живут годами. Никто основательно обустраиваться не желал. Сколько длилось обучение, года два-три? Все это время так и жили, не распаковывая чемоданы. Кому придет в голову приобретать обстановку, когда в любой день могут отослать к чертям, на самый край отчизны, а то и подальше, за ее край. Иные, способные, закончив академию, оставались в ней преподавать, но так и продолжали жить в общежитии, но уже не годы, а десятилетия, питая надежду получить жилье. Соответственно, в качестве мебели использовались подручные средства. А что у артиллериста всегда под рукой и в избытке? Правильно, ящики от снарядов. И со стрельб все тащили к себе освободившуюся тару. Квадратные ящички, не знаю от чего, вероятно от противотанковых мин, сложенные стопочкой, становились стульями. Плоские ящики от патронов, побольше, служили столешницами. Особенно были ценны ящики от реактивных снарядов, длинные, глубокие. Поставленные вертикально превращались в гардероб, вместо дверцы – занавесочка. (Дизайнеры ИКЕА наверняка впоследствии украли эту идею – шкафы без дверей.) Положенный набор, он становился сервантом или секретером, положенный на пол мог одновременно быть кроватью и комодом. Из отдельных досок строились стеллажи, книжные полки. А надо сказать, лучшие доски Советского Союза шли на изготовление ящиков для снарядов. Сухие, крепкие, гладко обструганные, могли служить годами. Мечта советского садовода. Полупустыми ящиками был заставлен весь коридор. В них складывались какие-то тазы, автомобильные колеса, запчасти, детский спортивный инвентарь, санки, лыжи. Первое впечатление – ты попал на какой-то полуразграбленный склад, в котором злодеи вскрыли все ящики, но не нашли ничего ценного.

Стоим с приятелем в конце коридора, курим.

– Долго тебе еще здесь?

– Почти год, потом обещали домой.

Домой – это не совсем домой, а к постоянному месту службы, где, впрочем, своего жилья тоже не было.

По коридору на трехколесном велосипеде катит девочка лет пяти. Подъезжает:

– Здраствуйте!

– Ну, здравствуй! Ты кто?

– Я Лена-ящик!

Ну, думаю, все, это конец, ребенок на вид нормальный, а крыша потекла. Ящиком себя представляет. Жаль. Да посмотришь по сторонам, не удивишься.

– А кто же тебе такое прозвище дал?

– Мама с папой. У меня мама-ящик и папа-ящик.

Друг, зная мою склонность к аффектам, начинает успокаивать:

– Да не волнуйся ты так, это их фамилия. Ребята тоже с Украины, пятый год тут живут.

Подходящая фамилия, да?

– Да уж, куда как подходящая. Правду говорят: нет слова, которое не может стать украинской фамилией.

– Ладно, пойдем, мне с дома самогоночки прислали, когда еще встретимся?

Coitus letalis

У нас в приемном отделении евроремонт. Красиво, но тесно. Ночью приходится переступать через людей, спящих на полу в коридоре. Хорошо, что горит яркий свет, не споткнешься. Иду и почему-то вспоминаю одного своего однокурсника. Помнится, на пятом курсе шел цикл по травматологии. И писали мы там какие-то истории болезни. Преподаватель, тетка в годах, очень просила: «Не надо, не надо сверкать своей эрудицией, пожалуйста, не вставляйте никаких латинских терминов. Проще пишите, проще». – «Интересно, а почему?» – «Ну не надо, прошу вас». – «А почему не надо?» – «Ну, как-то один из ваших вместо exitus letalis написал coitus letalis... Я не заметила, потом на разборе кто-то обратил внимание, было неудобно». Как тогда писали в материалах съездов партии: «Смех в зале». Тут откуда-то сзади просовывается безумная голова нашего друга и спрашивает: «А что такое коитус?» Смех прекращается. Понятно, пятый курс, пора знать.

Но таки в истории болезни он все же вставил латинский оборот, написав русскими буквами: статус лакалис, именно через А. Ну, в принципе механизм, вернее, причину травмы доставшегося ему переломанного алкаша он объяснил точно.

Память

В газетке попалась статья, пресса предупреждает, что в России ожидается волна антисемитизма. Опасно... Ну, думаю, угроза несколько преувеличена. В моем представлении, классический русский антисемит, даже если он занимается некими идеологическими поисками, существо недалекое, терзаемое комплексом неполноценности, а просто говоря – придурок.

Помнится, в конце 80-х в Питере устраивала митинги некая группа «Патриот», коллективный член ленинградского «Отечества», которую возглавлял некий Александр Романенко, отчества не помню. Вообще, патриотов у нас в те годы было великое множество, общество «Память» не могло объединить всех желающих проявить патриотизм, хотя может быть и могло, но формы его проявления были разными и не укладывались в рамки одной партии. От нее отпочковывались различные православно-монархические союзы, патриотические и прочие объединения, которые в свою очередь немедленно начинали делиться, как кишечные палочки в дерьме, создавая какие-то народные фронты, группы, вплоть до какого-то союза Венедов. Даже единственная их общая черта, антисемитизм, не позволяла преодолеть более серьезные разногласия между патриотами. Кому интересно, может посмотреть в Интернете. Не мне судить, какая из русских партий была патриотичнее, чья программа была ближе народу да и были ли там вообще какие-то программы.

С упомянутым Романенко я был немного знаком, по крайней мере некоторое время общался, он преподавал мне в институте марксистско-ленинскую философию. Чудак был редкостный, как, впрочем, и большинство преподавателей нашей кафедры научного коммунизма. С перестройкой Романенко из преданных борцов за дело Ленина переметнулся в патриоты России и, забыв про пролетарский интернационализм, написал книгу «О классовой сущности сионизма». К своей деятельности Романенко пытался привлекать и наших студентов. Помнится, один мой однокурсник постоянно светился рядом с ним на митингах. Фамилия его забыта за ненадобностью, но его заявление на госэкзамене по хирургии, что операцией выбора при геморрое является наложение противоестественного заднего прохода, помнили долго. Даже в либеральные горбачевские времена Романенко за свою активность, а руководил он кроме группы «Патриот» еще двумя патриотическими партиями, и за свою антисемитскую книжку поимел неприятности, подвергся гонениям, был уволен с работы и лишен возможности освещать путь молодому поколению врачей немеркнущим светом научного коммунизма. После такой душевной травмы свою книжонку он бесплатно раздавал всем желающим. Да и напечатанный тираж не очень-то расхodziлся в продаже. Одна попалась мне, но я даже не пытался прочитать этот бред, хватило первой страницы. Одну книжку он подарил моей знакомой, с автографом: «Товарищу по борьбе в трудную для автора минуту». Подпись автора у всех вызывала приступ смеха, фамилия товарища по борьбе забылась, но помню, что звали товарища Инной Иосифовной. А внешность товарища даже не позволяла усомниться в его принадлежности к богоизбранному народу. Но эти мелочи в трудную минуту ускользнули от внимания борца. А сейчас не знаю, остались ли вообще какие-то следы от общества «Память» и его последышей. Хотя нет, стало интересно, набрал в Гугле, следы «Памяти» остались на сайте какого-то института русской цивилизации.

Часть 2. «Скорая помощь»

От работы на «Скорой помощи», куда попал по распределению после института, а распределение в советские времена было обязательным, и если нет хорошего блага, изволь три года отдать государству за учебу, осталась толстая записная книжка. Когда окончательно выйду на пенсию, ею займусь. А пока вспоминаются только самые интересные персонажи, встретившиеся в первый год работы. А встретиться пришлось со многими интересными людьми.

Дубровский

Первым, с кем я познакомился, придя в интернатуру, был врач с литературной фамилией «Дубровский». Это был высокий импозантный мужчина лет 55, со свежим загаром на лице, вышедший на работу в первый день после отпуска. Отпуск он провел в шезлонге на пляже в Евпатории. На просьбу начмеда подстанции: «Возьми интерна, он зачем-то вовремя пришел, не знаю, куда его пристроить, пусть с тобой сегодня покатается». Дубровский с видом вальяжного барина, показывающего приезжему свои уголья, лениво махнул рукой:

– Ладно, пусть покатается, покажу нашу делянку. Только предупреждаю, я человек молчаливый, со мной будет скучно.

– Да ничего, я и сам не очень разговорчив, могу помолчать.

Это были последние слова, которые мне удалось произнести. Остальное время говорил Дубровский. Говорил он без остановки, преимущественно матом. Рассказал обо всем: о районе, о постоянно вызывающих клиентах, давал советы, что делать в конкретных случаях. Говорил о своей коллекции картин, обещая показать, о творчестве передвижников, о последнем кинофестивале. Пел частушки.

Моя милка спит в гробу,
Я пристроился, е...
Нравится, не нравится,
Спи, моя красавица.

Информация сыпалась обо всем:

– Главное в нашем деле – это внимательное отношение к больному. Никогда не показывай, как ты его ненавидишь. Вот, к примеру, едем мы к Марье Ивановне, когда ж она сдохнет, сука! Да еще живет эта блядь на пятом этаже. А поднявшись, начинаем с порога: «Здравствуйте, дорогая моя, дайте я вас обниму, милая! А чего так давно не вызывали? Я даже волноваться начал, вот только сегодня из отпуска и сразу к вам».

Сделав ей анальгин с димедролом, Дубровский разрешает себя чмокнуть в щеку и уходит, матерясь на лестнице в адрес старухи. С пушкинским персонажем его роднила, пожалуй, только одна любимая фраза: «Спокойно, Маша, я Дубровский». Это означало: на вызов можно не тащить чемодан, кардиограф и прочие тяжести, пациент известен, ему достаточно доброго слова. Пауза в монологе возникала только тогда, когда Дима прикуривал одну сигарету от другой. Горящая сигарета у него в зубах была постоянно. Фельдшерица даже начинала беспокоиться:

– Дмитрий Сергеевич, ну чего вы замолчали? Расскажите что-нибудь еще.

– Ну что тебе сказать, Люся, – задумывался Дубровский, – когда я буду тебя е..., я надену два гондона. – И с угрозой в голосе добавлял: – И они порвутся!

Загадка, что такой интеллигентный образованный врач, причем уже не молодой, с опытом работы в серьезных клиниках, делает на «неотложке», мучила недолго: Дима попивал. В течение суток он потихоньку прихлебывал из плоской фляжки, поддерживая себя в тонусе, а после работы уже не таясь выпивал из горлышка поллитровку. Но если тонус в течение дня переходил границу, Дима срывался и начинал сознательно напрашиваться на неприятности. Было, однажды он оказался на вызове у своего старого приятеля. Случайно или нет, возможно, тот сам попросил прислать именно Дубровского, не суть. Суть в том, что встречу решили отпраздновать. После того, как они на троих с фельдшером скушали две по ноль-семь, приятель неожиданно умер. Видимо «Скорую» он все-таки вызывал не зря, оказался у него инфаркт. Реанимировав приятеля, для чего хватило одного разряда дефибриллятора,

Дима продолжил вместе с ним праздновать, благо появился еще один повод, пока более-менее трезвая фельдшерица не взяла инициативу на себя и не организовала транспортировку обоих в больницу. В больничном дворе какая-то сволочь из окна наблюдает картину у приемного покоя: подъезжает «Скорая», выходит врач, падает. Тетка-фельдшер выкатывает носилки с больным и падает вместе с ними тоже. По двору ползают уже трое, потом больного волокут по земле и кое-как затаскивают в приемное отделение. Сволочь звонит на 03: тут ваши доктора по двору ползают, на ногах не стоят, как можно? Не иначе пьяны. Тут же линейный контроль, Дубровского тащат на экспертизу. Дима признает: «Зачем экспертиза? Да, в говно, отпираться не буду, поехали сразу к главному». Летом главврач в отпуске, за него оставалась тетка, кажется заместитель по оперативной работе. Только она собралась произнести речь о недопустимости пьянства и принятии самых жестких мер, как Дима подошел к ее столу и, вытащив из штанов свое, по рассказам очевидцев, нехилое хозяйство, разложил его на столе:

– Смотри, Марина, это – х...! Ты это видела? Смотри и запомни, ты такого больше никогда не увидишь!

С заместителем главного врача случается истерика, вопли, нашатырь. Дима хватается фельдшера и исчезает. Про неподписанный приказ об увольнении вспоминают на следующий день, а назавтра Дубровский уже трезв, выбрит, пахнет одеколоном и готов к любой экспертизе. За демонстрацию гениталий руководство уволить его не решилось, да и нету такой статьи в Трудовом кодексе.

Умер Дубровский от рака легкого. Не удивительно, за сутки он выкуривал по 5–6 пачек сигарет. Всем казалось, должен был понять, что у него рак, иди к онкологу, еще есть шанс полечиться, но Дима отправился к знакомому участковому, втер ему, что простудился, заболел пневмонией и выпросил направление на физиотерапию. После очередного сеанса, дойдя до дома, выпил водочки и помер, кажется от кровотечения. Все удивлялись: вот придурок, ну не мог же он не знать, что у него рак, какая тут к чертям физиотерапия? И я тогда поддался общему мнению: совсем Дима пропил мозги. А сейчас сомневаюсь, а может и нет? Может, зная, что его ждет, и решил ускорить конец?

Потеря

Почти одновременно со мной на «Скорую помощь» пришли двое докторов, оба отставных флотских офицера. Про одного вспомнил недавно, прочитав статью в газете: «Замглавы ХМАО (видимо Ханты-Мансийского автономного округа), выпавшему из лодки, могло стать плохо с сердцем». Естественно, плохо, наверняка ребята перебрали перед поездкой. Не удержался в лодке замглавы и выпал.

Помню, однажды был у меня похожий случай, когда я, будучи еще врачом-интерном, был приставлен к старшему товарищу. Катался с ним на «Скорой», таскал чемодан. В общем, насколько мог старался быть полезен. Каким доктор был специалистом, мне тогда судить было трудно. Мне вначале казалось, что был. Настораживало, что после армии отработав кучу лет в солидной клинике, в кардиореанимации, заканчивал свою жизнь простым врачом «Скорой помощи». Но я был молодой, не лишен иллюзий, нравится человеку работать на «Скорой» – пусть работает. Мне поначалу нравилось. О настоящей причине я, да и никто поначалу, не догадывался. Надо сказать, что доктор выглядел весьма прилично и, что самое странное, разговаривал практически без мата. В общем, производил впечатление интеллигентного человека. Догадаться, что он успел принять на грудь, можно было, только когда водка валила его с ног.

Поздний вечер, просим у диспетчера разрешения заправиться. Водитель предупреждает: бросайте сигарету, подъезжаем к заправке. А в те годы на «Скорой» были исключительно «рафики», продукт латвийского автозавода в городе Даугавпилс, фантастический гибрид автомобиля «Волга» и микроавтобуса. Спереди одно место, остальные сидят сзади, в неотопливаемом салоне, глядя на свет через окошечко в перегородке. О том, что через год эксплуатации еще работали стеклоподъемники, говорить было смешно. Доктор отвечает: «Ага, сейчас», – открывает дверь и выбрасывает окурочку наружу. Нас предупреждение не касалось, мы с фельдшером дремали в салоне. Одно плохо – в этот момент водитель совершает резкий маневр, левый поворот с Песочной набережной, где поворот налево был, как и сейчас, запрещен. Поворачивает резко и, естественно, смотрит налево. Дверь, хлопнув, закрывается. Заправились, водитель садится на свое место, выезжает с заправки и, проехав почти до Петровского стадиона, неожиданно тормозит, просунув голову в окошко перегородки, спрашивает: «Слушайте, а доктор что, у вас сидит?» – «Да нет у нас доктора, чего ему у нас делать?» – «А где он?» – «А черт его знает». И действительно, на сиденье в кабине лежит только полушубок, который доктор накидывал на плечи, а вот хозяина полушубка внутри нет.

Поехали обратно к заправке – нету. Спросить некого, вечер, на улицах пусто, мороз. Заправщица отвечает, что вроде проходил какой-то мужичок в белой одежде, но не приглядывалась. Катаемся вокруг – никого. Выхода нет, надо звонить на центр, сообщить, что доктора потеряли. Видимо, мы оказались не первые, у кого возникала такая проблема. Диспетчер только спросил, много ли доктор выпил, посоветовал поискать еще, ну а нет, так нет, езжайте на станцию. Доктор не иголка, хотя тоже может завалиться так, что не найдешь. А где там искать? Напротив заправки суд, дальше какие-то промышленные здания, все закрыто. Поехали домой. На станции уже ждет ЛКС, линейный контроль, начинают допрос: с кем он пил, почему вы этого не заметили, не подали сигнал, как он вообще мог выпасть, почему был не пристегнут? Я интерн, с меня спроса ноль, зато доверяют: «Будешь до утра за доктора. Появится ваш – звоните, приедем».

Так я практически в первый раз стал самостоятельным врачом «Скорой помощи». Уехали на вызов, возвращаемся, диспетчер встречает:

- Нашелся ваш доктор, не волнуйтесь.
- Выпивший?
- В говно! Вон он, спит на топчане.

– Ну что, теперь его уволят?

– А нет, ЛКС снова приезжала, уехала, он оказывается на больничном. У него больничный с сегодняшнего утра. Только непонятно, где он его взял. Так и лежит, накрывшись этим больничным листком.

– А смотрели, ничего не сломано? На приличной скорости выпал.

– Да вроде ничего, пришел сам, сказал, что он везучий, и упал спать. Только рожа поцарапана.

И действительно, доктор храпит на спине, а на груди листок, бюллетень, выданный якобы еще вчера, в районной поликлинике. И диагноз: стенокардия. Не придраться, плохо стало с сердцем. Где он достал больничный, как успел сориентироваться – непонятно, но ничего не поделаешь, действительно опыт. Проверили участкового врача, все чисто, по документам у него накануне на приеме этот пациент был, больничный выдавался. Личных отношений между ними не прослеживалось.

А доктора жаль, доктор был не самым бездарным, хотя и оказался редкостным контрацептивом. Месяца через два его все-таки уволили за пьянку, настучал кто-то из фельдшеров, учуяв запах. Он поболтался еще пару лет по разным «неотложкам», куда в те годы брали всех, и во время очередного запоя залез в петлю. И надо сказать ему спасибо, повесился грамотно, так, чтобы наверняка, не доставив коллегам лишних забот. Разве что заехать, констатировать смерть.

Подводный Болт

Второй флотский врач был тоже забавный. Во-первых, он носил фамилию Болт. Бывший подводник, и его так и прозвали: Подводный Болт. Как сам он признавался, с флота был уволен за демонстративный алкоголизм, напоследок получив орден. Впрочем, это другая история. Во-вторых, за время службы он забыл почти все, чему учили в Военно-медицинской академии. Не удивительно, шесть дальних походов, две сотни здоровых мужиков в экипаже. От начмеда он по утрам прятался в мужском туалете, но старался пополнить пробелы и постоянно задавал вопросы. Нам, вчерашним студентам, пожилым врачам, многие из которых сами были уже в маразме, но главное – консультантам. Все, кто сидел в качестве консультанта на телефоне, изучили его график: Болт на линии, от телефона будет не отойти.

Рассказ доктора Дедуха, в свое время известного всей «Скорой помощи» города Санкт-Петербурга врача-кардиолога:

– Сажу на телефоне, опять звонит Болт, излагает случай. Тетке лет сорока, болит сердце. По его рассказу – классический хренодефицитный синдром, ХДС. ЭКГ передал по телефону, нормальное ЭКГ. Говорю, сделай ей что-нибудь и уезжай. Через час звонок: «Сделал, не помогает». – «Ну хорошо, сделай еще и отваливай». Опять звонок, говорит, не помогает. Хорошо, говорю, выруби ты ее, пусть спит. Заснет – уезжай. Звонит снова: «Сделал все, не спит». Я уже не выдержал: «Слушай, Вова, ты мужик или нет? Ты что, не можешь с бабой справиться?» Болт что-то пробормотал, вроде как «хорошо», и повесил трубку. Через часа два мне звонит ответственный врач: «Ты с Болтом разговаривал?» – «Разговаривал». – «А куда он исчез?» – «Не знаю, больше не звонил». Стали искать, на адрес отправили линейный контроль. Коммунальная квартира, соседи открыли дверь, зашли в комнату. Смотрят: Болт в постели проводит тетке патогенетическую терапию ее ХДС, да так увлекся, что не оторвать.

Врач ЛКС не стал мешать, пусть лечит, но как только в поликлинике открыли отделение неотложной помощи, Вову без лишнего шума перевели туда. Там поначалу брали всех.

Горе от ума

Был еще один интересный персонаж.

В те времена работал на «неотложке» забавный старичок по фамилии Чацкий, но нет, не тот, грибоедовский, хотя по возрасту он вполне мог бы подойти. Наш Чацкий горя от ума не имел, пребывая в восьмидесятые годы в веселом маразме. Вдобавок он был почти слепой и никак не желал оперировать катаракту. Различая только яркий свет, летел мотыльком к лампочке у подъезда. Этого было достаточно. Дальше действовал на ощупь, вытягивая вперед руки, еще в подъезде начинал кричать: «Больной, где тут больной? Подойдите ко мне!» Правда, иногда вместо жопы мог протереть ваткой со спиртиком диван, сделать в него укольчик и сидеть, ждать эффекта: «Вам что, еще не легче?» Пациенты жаловались, иногда из подъезда водители «неотложки» слышали крики:

– Уберите этого гопника, нам и своих хватает!

– Да я не гопник, я доктор!

Но многие старушки писали благодарности и просили присылать только его. Загадочная причина выяснилась: Чацкий не признавал фонендоскопа и выслушивал хрипы в старушечьих грудях непосредственно ухом. Бабки тащились, когда он своей небритой щекой елозил под их сиськами. Одна рассказывала мне на следующий день:

– Представляете, он мне ухо к спине приложил, говорит, дышите! Я дышу-дышу, думаю, какой же внимательный старичок, а у меня аж голова закружилась. Оборачиваюсь, а он там прислонился и спит. Пригрелся. Я ему кроватьку постелила, он поспал часик, дальше поехал. А вы, доктор, разве спать не будете? Отдохните, ночь на дворе...

Жил Чацкий в деревне под Псковом, хитрым способом добираясь на работу в Питер. Надев парадный китель со всеми своими орденскими колодками, а в прошлом, во времена войны он был полковником, подходил к посту ДПС на выезде из города и просил гаишников подсобить, срочно надо в Питер. Гаишники не отказывали, тормозили дальнобойщика, долго мурыжили, проверяя документы, и наконец предлагали: «Ладно, езжай, только нашего деда до города подвези». Любой с радостью соглашался, лишь бы быстрее отделаться от проверки. Один раз, на День Победы он решил вместо колодок прикрутить все свои награды. Вышло нехорошо: во время торжественного собрания он попытался встать и под тяжестью кителя со звоном рухнул на пол.

Зачем он продолжал работать, почему ему спокойно не жилось на полковничьей пенсии дома, в своей питерской квартире, выяснилось случайно. Оказалось, что его жена хворала шизофренией. Жить с ней было тяжело, и когда ее выписывали из сумасшедшего дома, дед перебирался под Псков, на дачу. А их сына из психиатрической больницы не выписывали никогда. И Чацкий раз в неделю ездил его навещать, заодно и приезжал на дежурство.

Узнали об этом так: звонок на станцию, какая-то тетка просит к телефону заведующую. Спрашивает:

– А у вас Чацкий работает?

– Работает.

– А вы знаете, зачем он у вас работает? Он к старухам на вызовы ездит!

Заведовать подстанцией тогда пришла новая молодая тетка и удивилась вопросу:

– А у нас вроде бы все врачи в основном ездят к пожилым пациентам.

– А знаете, зачем он к ним ездит? Он им свой х... дает сосать!

– А вы кто, простите?

– Я его жена, я про него все знаю!

Дальше навести справки было не сложно, узнали, что жена Чацкого постоянный посетитель дурдома. Мы старика жалели. Руководство постоянно делало попытки его уволить, но

тут же кто-то звонил якобы из обкома КПСС, с приказом: не смей! Заслуженный человек, ветеран, орденосец! Начальство оставляло попытки, хотя, похоже, звонил он сам или кто-то из его знакомых. Избавиться от него удалось только при разделении «Скорой» и Неотложной помощи. Приказом его со «Скорой» перевели в «неотложку», а туда он идти не захотел. «Неотлога» ему не нравилась, ограниченный район, нет размаха. За пределы района выезжать не положено, не съездить в психбольницу к сыну, не прокатиться по магазинам, не закупить продуктов в деревню.

Булимия

Врач «Неотложной помощи», бабушка Кульчицкая, хворала заболеванием под названием булимия и, соответственно, ожирением. От ее ожирения страдали только водители «неотложки», которым приходилось ее запихивать в карету (забраться на сиденье рядом с водителем она не могла), а от булимии – все остальные сотрудники. Продукты питания оставлять на работе в холодильнике было опасно, вернее бессмысленно – съест. Съедала она все, что попало на глаза. Вдобавок бабка почти все время была навеселе, чтобы носить свою десятипудовую тушу по этажам, за день она выпивала десяток пузырьков корвалола.

Ее беседа с больными выглядела примерно так:

– Что у вас болит? Поясница? Это вы съели что-нибудь, милая, точно съели. Я знаю. А что у вас было на обед? Борщ? Покажите-ка мне ваш борщ.

Ей приносили кастрюлю недоеденного борща. Проглотив его, бабка спрашивала:

– Да нет, хороший борщ. А на второе что было?

– Котлеты.

– Давайте сюда котлеты.

Сожрав десяток котлет, продолжала:

– А еще что было? Компот? Нет, я компот не буду, от компота такого не бывает. Обед у вас хороший, это вы где-то что-то другое съели.

Встать со стула после еды бабка уже не могла, говоря больным:

– Подойди ко мне, милая, я тебе укольчик сделаю.

– Доктор, а вы руки помыть не хотите?

– Ой, совсем забыла, а ты принеси мне тазик с водичкой, я руки помою.

Как-то раз народ собрался после дежурства всей подстанцией поехать на природу, отметить что-то, кажется, День медработника. Закупили все, что полагается, а на закуску десяток копченых куриц. Загрузили в холодильник, забыв, что дежурит бабка Кульчицкая. Когда ночью все сидели и играли за столом в шtos, а Кульчицкая храпела в кресле, у кого-то возникает мысль: «А чего-то вдруг она так громко храпит?» И сразу несколько человек метнулись к холодильнику: пусто, десятка цыплят как не бывало, не нашли даже костей. Пауза, только громкий храп Кульчицкой. И вдруг наступает полная тишина, храп прекращается. Кто-то начинает считать: «Тридцать секунд, сорок, пятьдесят... Это ж сколько она уже не дышит? Если, блядь, она сейчас остановится, я ее ни качну ни разу!» Все молчат, ждут. Минуты через две раздается шипение, кашель, из глотки выплевывается застрявшая сопля, и храп возобновляется. Народ с облегчением возвращается к игре. А то действительно может выйти неловко, рядом пять или шесть врачей «Скорой помощи», и вдруг внезапно умирает сотрудник. Могут быть вопросы – почему не реанимировали? Не хорошо.

Карьеру Кульчицкой погубил новый водитель, еще не обленившийся, как все водители питерской «неотложки», заезжать во дворы. Вот уж воистину справедливо сказано: не делай добрых дел и не будешь наказан. Решив подвести бабку прямо к подъезду под аркой, он остановился слишком близко у стенки. Доктор стала вылезать наружу, неудачно ухватила за открытую дверь, та закрылась, и бабка наглухо застряла между машиной и стеной. Все. Тесная арка, водителю со своей стороны из машины не выбраться, бабка кричит, но никто не спешит на помощь. Какой прохожий ночью зимой зайдет в темный питерский двор, если оттуда раздается крик: «Помогите!» Никто не зайдет, даже если прохожий идет в этот двор к себе домой. Лучше подождать, а вдруг во дворе кого-то убивают? Да и прохожие в два-три часа ночи зимой на Красной улице большая редкость. Ни раций, ни телефонов в те времена не было. Пришлось водителю выбить стекло в перегородке между кабиной и салоном, в надежде вылезти наружу через заднюю дверь. Но парень забыл, что в прошлом он был мастером по штанге в тяжелом

весе и после ухода из спорта его слегка разнесло вширь. Задница в окошко не пролезла, проделать обратный путь мешал задравшийся полушубок. Теперь уже застряли двое, можно не кричать, помощи ждать неоткуда. Не известно, долго бы они так проболтались, если бы муж больной, к которой вызвали «неотложку», не смотрел в окно и не видел, как машина заехала под арку. Спросив себя, а почему это доктор так долго не поднимается, он не выдерживает и спускается вниз. И видит картину: пространство у стены наглухо затампонировано огромной тушей, а внутри машины под потолком барахтается и машет руками какой-то здоровяк. Надо сказать, что несмотря на удивление, мужик действовал весьма рационально. Протиснувшись вдоль стенки с левой стороны машины, залез в салон через заднюю дверь и помог выбраться водителю. А вдвоем им уже удалось немного сдвинуть машину в сторону (тут занятия штангой помогли) и продавить бабку в подъезд. К тому времени она уже перестала кричать, только стонала, кажется, сломав ребра. Ее вдвоем погрузили на носилки, и водитель сам отвез ее в больницу. Вернее, вызвал к себе «Скорую», но приехавший врач, посмотрев на лежащую на носилках в «неотложке» массу, решил, что перегружать ее в другую машину нецелесообразно, пусть едет в той, в которой лежит. На этом работа доктора Кульчицкой закончилась; что с ней стало, выписалась она из больницы или померла там, никто не поинтересовался.

Но был и позитив. По этому адресу, на улицу Красную потом вызывали очень часто, и каждый раз тебя встречали словами: «Вы не представляете, как мы рады! Как хорошо, что это вы приехали! Хотите чая или кофе? Есть кое-что покрепче, вы, главное, не стесняйтесь». В очередной раз удивившись такой встрече, я поинтересовался причиной радости. Тогда муж больной и рассказал, как он вытаскивал доктора из западни.

Львов

Работал у нас на станции такой доктор, Львов, законченный алкаш даже по нашим меркам. Но не этим он был известен, этим никого не удивишь, а тем, что он никогда ничего не ел. Пить пил, а чтоб закусывать – никогда. Это была загадка, откуда он получал необходимые калории. То есть калорий ему хватало, но организму нужны и другие пищевые вещества, белки. И вот один раз Львов решил пообедать. Все смотрели, как он растворял в миске гороховый суп из пакета, подогрел и начал питаться. Вначале использовалась ложка. Первая попытка поднести ее ко рту. Мимо. Вторая попытка – ложка супа выливается на халат. Третья попытка – ложка падает. Принимается решение ускорить процесс, миска берется в руки, чтобы пить через край. Суп течет мимо, на лицо, на одежду. Еще весь густой суп не вытек, а доктор уже падает на стол лицом в миску и сразу засыпает. Пообедал.

Поступает вызов, пришлось прервать полезный для здоровья послеобеденный сон. Умойся, говорят ему, чучело. Но куда там, вызов срочный, автослучай где-то в районе Благовещенского моста. Садится в машину, едет. Все как положено, с мигалками. Кто-нибудь когда-то видел, чтобы гаишники останавливали «Скорую помощь», едушую с включенными мигалками? Я не видел. Но тут какой-то гаишник остановил их на Исаакиевской площади. Подходит к водителю: «Ты чего это такое в кабине везешь? Доктор же у тебя в говнище». Водитель был мужик не сложный, послал мента по матушке, сказав, что чего посадили, то и везу. Доктор как доктор, не хуже других. Тогда гаишник подошел к правой двери, открыл, но не успел сказать слова, как Львов на него накатиł: «Ну ты чего, в натуре, не видишь, укачало меня, укачало, бя!» И в подтверждение своих слов окатывает сверху гаишника с ног до головы фонтаном блевотины. Непереваренный суп течет по кителю, капает на асфальт. Водитель решил не ждать ответной реакции служивого, перегнулся через пассажирское сиденье, захлопнул дверь и укатил. А мент так и остался стоять у светофора рядом с гостиницей «Астория». Стоял долго, проходящий мимо интурист оживленно обсуждал, что случилось с русским полицейским, почему он облит гороховым супом, фотографировал. А все оказалось так просто. Мне тогда пришлось прокатиться до ближайшей больницы, за бутылку у знакомого терапевта купить ему больничный, а потом еще отвезти доктора домой. Когда проверили все шкафы и пустой холодильник, который зачем-то работал, и не нашли в квартире ничего съедобного, только тогда спокойно оставили его спать на диване, зная, что в своих рвотных массах он теперь наверняка не захлебнется. Бутылку, кстати, обещал отдать, до сих пор должен.

Расскажем еще несколько историй из практики врача «Скорой помощи».

Выговор

Зашел как-то на работе разговор о добром отношении к сотрудникам «Скорой помощи» со стороны руководства. Вспомнил случай, еще с конце 1980-х, когда отработывал на «Скорой» распределение после института, как я получил свой первый выговор.

Участковый врач вызывает «Скорую», бабу, далеко за 80, отвезти в больничку с нестабильной стенокардией. Прихватило у бабушки сердечко, болит. Приехал, ЭКГ снял, полная блокада ножки, не поймешь, есть там инфаркт или нет. Ну и ладно, мое дело до больницы довести. Баба тяжеленькая, давление низкое. Обезболили, грузим тельце на носилки, отвозим в больницу имени Куйбышева, ныне Мариинскую. Еще та была фабрика здоровья. В приемном отделении зову терапевта, вот бабушка, вот ЭКГ, как скажете, ставите инфаркт – отвезу сразу в реанимацию, нет – оставлю тут. Терапевт посмотрел – оставляй, разберемся.

Но кто-то из внимательных местных докторов замечает: «А у бабушки-то стопа вывернута кнаружи!» А это первый внешний признак перелома шейки бедра. Ага! Опять «Скорая» какую-то хрень привезла, не по адресу. Бабу на рентген. Фотографируют ей бедро, зачем-то плечо, таз и грудную клетку. И находят: перелом бедра, перелом плеча, нескольких ребер. Кажется, еще и таза. И умирающую старуху гипсуют с головы до ног и переводят в Покровскую больницу в состоянии шока. В Куйбышева травматологического отделения нет. Гипс окончательно добывает бабушку, и она вскоре умирает.

Новость тут же доходит до руководства, мне лепят строгий выговор. Не осмотрел, расхождение диагнозов. Ну, думаю, нет, не мог я пропустить столько переломов, иду, интересуюсь результатами вскрытия, от чего умерла бабуля? Патанатом отвечает – от инфаркта умерла. А как же переломы? Да нет, говорит, там никаких переломов. А откуда взялись? Так снимки перепутали, там студенты занимались, кто-то учебный набор на столе забыл, рентгенолог не посмотрел на фамилию, описал как бабкины.

И как бы вроде с моей стороны никаких нарушений нет, все сделал правильно. Ненавязчиво намекнул заведующей: а может, выговор с меня снимут? Не, говорит, уже не снимут. Получил – значит получил, чтоб знал, где работаешь. Впредь будешь внимательней.

Кома

На днях попросили развлечь студентов, провести занятие. Тема идиотская: «Анестезия у больных в коматозном состоянии». И вопросы наверняка будут дурацкими. Но отказаться неудобно. Все так и получилось, начали с вопроса: «А какие отличия?» – «Да ни каких, делай все так, как у человека с обычным рассудком». – «Так он же не реагирует на боль?» – «А может, и реагирует, как ты это оценишь? Пробу Дегранжа проведешь? Только сначала найди стеклянный шприц, одноразовый от кипящего масла расплавится. Ах, вы не знаете, что такое проба Дегранжа? Медицинская мысль изобрела не одну пробу для проверки нарушений чувствительности, это только одна из них. Кратко ее суть: инъекция кипящего масла в сосок. Если не отреагировал, значит, мертв наверняка. А как ты поймешь, что происходит у него в голове? Голова – дело темное и исследованию не подлежит. Тут не всегда знаешь, что происходит в своей, а что произойдет в ней через пару минут – так вообще загадка, а у постороннего и подавно. У меня был случай, как больной в коме на такси уехал и по городу катался, а я долго его пытался поймать, так и не смог. Не верите? А было».

Вызвали меня на «Скорой» в один из питерских институтов, на кафедру физического воспитания и развития. Сильная, видимо, была в том институте кафедра, и работали на ней тоже люди сильные, личности гармонично развитые во всех отношениях, интеллекту которых позавидует нынешний мэр матери городов русских. Все сплошь бывшие боксеры-тяжеловесы и штангисты не самой легкой весовой категории. Заболел их заведующий, сам бывший штангист. Давление, заболела голова, какая тут работа? Сотрудники вызвали такси, езжай домой, отдыхай. Но пока ждали таксомотор, заведующему стало совсем худо, похоже, что в голове лопнула аневризма. Со скоростью падающей шторки фотографического затвора меркнет раскусок, кома. Тут такси не обойтись, и сотрудники вызывают «Скорую». Подъезжаем, такси стоит во дворе, ждет клиента. И естественно, никакого значения этому мы не придаем, стоит себе и стоит, кому до него дело? С пациентом все ясно, геморрагический инсульт, кровоизлияние в мозг. Левая половина тела полностью парализована, какая-то сила заставляет махать правой рукой, может быть судорога, может быть желание позвать на помощь. Вопросов нет, едем в стационар. Но возникает проблема: кафедра на третьем этаже, а мужик весом под сто пятьдесят. Но сотрудники горят желанием помочь, хорошо, говорю, несите в машину, фельдшер спустится чуть раньше, приготовит носилки, а я следом, с чемоданами. Но молод я еще был, во-первых, верил с силу человеческого разума, а главное – в его существование. А во-вторых, чуть задержался, чтобы записать домашний телефон секретарши. Симпатичная девушка очень беспокоилась за здоровье шефа, и я обещал вечером позвонить, сообщить о его здоровье. Может быть, договорюсь о встрече, сообщу лично. В ближайшие минуты за его здоровье я не переживал, давление мы ему снизили, сделали мочегонное, дышал он спокойно, четыре здоровенных бугая без проблем донесут на мягких носилках. Не уронят. Спускаюсь вниз, в машине никого. К фельдшеру: «Где?» – «Не видел, – говорит, – никого не приносили, сам жду». Подходят бугаи, отдают пустые носилки.

– А больного-то вы куда дели? Другой «Скорой» тут не было.

Отвечают:

– А как куда? Вы же сами сказали – несите в машину. Мы и отнесли.

– В какую?

– Так мы же ему такси вызвали. В такси посадили, он и уехал.

– Как уехал? Куда? А не дай бог помрет в такси, кто отвечать будет? Вы, мудаки... – ну, далее, понятно, было еще много слов, и в адрес сотрудников, и в адрес таксиста.

Ситуация, надо сказать, необычная. Больные убегают от «Скорой помощи», но чтобы потерять человека в коме? Надо звонить ответственному врачу. Заранее представляю, какие слова услышу. Снова поднимаюсь на третий этаж, звоню, пытаюсь объяснить, что столкнулся с опасной бандой долбоебов, для которых слово машина – полный и единственный синоним слова «такси». Для ответственного врача ситуация тоже не стандартная, предлагает подумать, обещает перезвонить. И как раз в этот момент звонит таксист. Видимо, узнал номер телефона у своего диспетчера.

– Слушайте, а что мне делать? Я его спрашиваю, куда ехать, а он только рукой машет и молча ссыт.

– А какого хера ты его повез?

– А чего? Мне его в машину посадили, я спрашиваю – куда, а он рукой махнул: вперед! Я и поехал. На каждом перекрестке спрашиваю, куда дальше, а он только показывает вперед. Я и еду.

– И куда ты сейчас заехал?

– Да я уже в районе Комендантского.

– Слушай, давай вези его обратно сюда, и побыстрее.

Перезваниваю ответственному врачу, говорю, что, кажется, ситуация разрулилась, таксист сейчас привезет больного обратно. Жду. Проходит вечность, такси нет, зато звонит таксист:

– Я не могу быстро приехать, у Старой деревни переезд закрыли, надолго. Что мне делать, он мне всю машину проссал!

– Ты сейчас где? Стой, где стоишь, сейчас к тебе «Скорая» подъедет.

– Ладно.

Снова звоню ответственному врачу, на сей раз звоню не по городскому номеру, а через 03, прошу соединить. Зачем? Ну я хоть и молодой был, но соображал, что через 03 разговоры записываются, ответственный все равно обо мне скажет многое, но хотя бы без мата. Так и так, говорю, таксист застрял в пробке, по адресу, пошлите туда «Скорую», пусть у них у него заберут больного. Ответственный соглашается с вариантом, даже хвалит за находчивость и обещает исполнить. Вроде все, можно ехать на станцию. Спускаемся, не успеваем отъехать – вызов по рации. Ответственный врач уже не боится засорять эфир словами, которые мы пропустим:

– Какой ты мне адрес назвал? Нет там никакого такси! Возвращайся, жди на месте.

Снова ползу на третий этаж, на кафедру. Интересуюсь, не было ли новостей? Новости не заставляют себя ждать. Таксист звонит снова, найдя у клиента в кармане бумажник с паспортом, отвозит его по адресу прописки. Все логично, заказ надо выполнить. Зато теперь спрашивает, что делать дальше, он эту стопудовую тушу не может вытащить из машины. Это было первое, чем он меня не удивил.

– Ты можешь... постоять на месте, подождать «Скорую»? Давай адрес.

– Могу, а кто мне простой оплатит?

– Оплатят тебе простой, еще как оплатят. Не дай бог еще тронешься с места, найду, бля...

Снова приходится беспокоить ответственного врача:

– Таксист говорит, что привез домой, у его подъезда стоит. Вот адрес...

– Слушай, как ты мне надоел! Уезжай оттуда, и чтоб я тебя сегодня больше не слышал. Все, для меня сегодня тебя на линии нету.

Чем все закончилось, я так и не узнал. Наверное, все-таки пути таксиста в какой-нибудь точке города пересеклись с одной из бригад «Скорой помощи». И наверняка клиент все-таки попал в больницу. А оплатили таксисту простой или нет, я не интересовался. Плохо только одно: секретарше я потом так и не позвонил, в суматохе потерял бумажку с ее телефоном.

Роковые яйца

Вызов «Скорой» в питерскую консерваторию. Там, кстати, встречалось много интересных людей, и психиатрическая «Скорая» туда заезжала не реже, чем обычная. К машине подбегает молодой грузин с футляром от кларнета:

– Это мнэ, мнэ вызывали, мнэ плохо!

– А что случилось?

– Доктор, у меня яйца пухнут!

– Да? Ну заходи, генацвале, показывай...

Заходит, садится, спускает штаны.

– Слушай, друг, чего-то я не вижу, чтоб у тебя яйца распухли. Болят?

– Нэт, нэ болят, пухнут.

– Нормальные у тебя яйца, иди.

– Да нет, доктор, ты не понимаешь. Смотри, я музыкант, да? Я играю на кларнете. Ты в музыке понимаешь? Я играю. Смотри, три такта не пухнут, четвертый – пухнут. – Достает из футляра кларнет и начинает играть простенькую мелодию. Мотня свободно болтается в такт музыке. – Видишь?

– Не, не вижу. А попробуй-ка что-нибудь посложнее сыграть, хотя бы на три четверти.

– Нэ, на три четверти не пухнут, только на четыре.

Понимаю, что от параноика просто так отделаться не удастся.

– Ладно, поехали в больницу, пусть тебе уролог скажет, что у тебя все нормально.

Написал в направлении первый пришедший в голову диагноз, кажется, острый эпидидимит, отвез в дежурную урологию. Сажу в приемнике, пишу карточку вызова. И слышу, как из смотровой в конце коридора раздаются звуки кларнета и почти сразу крик дежурного уролога: «Какой мудак его сюда привез?»

И каким-то чутьем догадываюсь, что это про меня. И понимаю, что лучше всего отсюда быстрее свалить, а диспетчеру можно позвонить и из телефона-автомата. Черт с ними, с двумя копейками. Тем более, что каждую зарплату рубля 2–3 нам обязательно выдавали двушками, чтоб монетка всегда была под рукой, звонить из таксофонов. До сих пор несколько килограммов лежит в банке, все лень сдать в металлолом.

Трудный путь

Человек, настойчивый в достижении своей цели, всегда добьется своего. Вспомнил пример, как один упорный человек двигался трудной дорогой к успеху. Хотя, может быть, у него был такой изысканный способ самоубийства.

Сотрудники милиции сняли человека с адреса, с чужой квартиры. Назовем его Вовой, кажется, его так и звали, не важно. Вову едва не забодал своими рогами обманутый муж, вернувшийся домой и застав его с утра в койке со своей супругой. В этой ситуации у мужей всегда преимущество – голого человека, да еще только что из постели, бить легко и приятно, особенно того, кто не ожидал такого поворота событий. Да еще перед залеганием в койку изрядно выпившего. Хотя Вова пренебрег элементарными мерами безопасности, зная, что скоро вернется хозяин, и даже не попытался скрыться. Муж не спешил, бил долго, растягивая удовольствие, и забил бы до смерти, но допустил одну ошибку, оставив на время без своего внимания и заботы любимую супругу. Та, желая предотвратить смертельное убийство в своем доме, звонит в милицию.

Вову забирают в отделение с целью развести соперников. Тут ему бы сказать спасибо, поблагодарить, что спасли от смерти, но Вова не успокаивается, а начинает оскорблять сотрудников, видя в них причину прерванной утехы. Надо сказать, любого опытного дежурного в отделении милиции можно весь вечер поливать матом. Можно называть его козлом и пидарасом, и ничего тебе за это не будет. Если ты, конечно, пьян. Трезвому этого делать не стоит. К таким словам менты привыкли, никто из них даже не обратит внимания на твои пьяные материи. Но если хочешь зацепить мента, надо быть исключительно вежливым, ни в коем случае не употреблять матерных слов. Вова пошел по правильному пути и, сидя в обезьяннике, начал описывать внешность дежурного примерно так: «Твои глаза глупые, как у рыбы, твоя улыбка напоминает оскал дегенерата, в твоей голове шевелится маленький комочек вещества, которое трудно назвать мозгом». Вова добился цели, и пришлось к Вове уже в отделение вызвать «Скорую». Мое дело отвезти в больницу, кто его бил, зачем – мне не интересно, хотя и любопытно. Было понятно, что работали над Вовой комплексно, на роже остались следы от кулаков мужа, а на спине характерные отметины от милицейских дубинок. Дежурный предупреждает: парень активный, напрашивается, будьте поосторожней. Лучше сразу наручники. Но смешно, живчик ростом сто шестьдесят, куда ему? Если что, справимся. Надеюсь, что до мясорубки дело не дойдет. А у меня в машине, на стойке с приборами медицинского назначения, между наркозным аппаратом и монитором тогда была прикручена старинная мясорубка. Зачем? Этот вопрос задавали многие, кто еще мог задать какой-нибудь вопрос. Я объяснял, что если будешь вести себя плохо – узнаешь зачем. Обычно после этого в основном клиенты вели себя очень хорошо и всю дорогу до больницы смотрели исключительно на мою мясорубочку. Но на Вову угроза ее применения не подействовала. Стоило отъехать от отделения – Вова начал буянить. Пришлось организовать ему встречу с Кашпировским, дать установку на крепкий здоровый сон. Кашпировским мы называли нашу модернизированную ментовскую дубинку, немного укороченную для удобства оперировать ею в ограниченном пространстве кареты скорой помощи, внутрь которой был вставлен прут арматуры. Но через пять минут Вова вскочил с носилок, чего никто не ожидал, обычно сон после сеанса Кашпировского длился минут 20. Оттолкнул фельдшера и на ходу выпрыгнул на улицу. Хорошо, что выпал не под колеса, а на тротуар, под ноги группе каких-то старичков-ветеранов, идущих с флагами по Вознесенскому проспекту в сторону Исакиевской площади, протестовать. Тут уже мы не выдержали, забыв, что мы при исполнении, что вокруг публика, выскочили из машины и отпинали Вову ногами. После чего бесчувственного закинули в салон, на пол. Старички оказались сознательными, с пониманием, глядя на нас, одобряли: «Правильно, так его! А если бы он под машину попал, вам бы отвечать!» И

боевые ветераны с молодым задором тоже пытались оказать содействие, приложив Вову своими палками. На полу Вова снова ожил, и пришлось немного на нем попрыгать, запрессовав ногами под носилки.

Дальше до пьяной травмы доехали без приключений. Добродушная старушка-травматолог в спецприемном отделении встречает разбитые пьяные рожи со словами: «Все пьете? А вот вы знаете, какая интересная выставка в Эрмитаже, импрессионистов привезли из Франции. Почему бы вам не сходить? Не хотите? А в филармонии сегодня концерт, музыка барокко, это же прекрасно! Гендель, Вивальди... Не пойму, почему вы здесь, а не в филармонии? Ну хотя бы на концерт Юрия Антонова сходили, в “Юбилейном”». Бабушка была ходячей афишей всех культурных мероприятий Северной столицы.

Спецприемное отделение, или как ее называли в народе – «пьяная травма», состояло из основных помещений: предбанничек для оформления клиентов, операционная-перевязочная и палата-клетка человек на 50 с низенькими топчанами, падение с которых не грозило дополнительной травмой. Были там еще какие-то служебные помещения, для отдыха, куда Вова и проник ночью, забравшись в постель к докторше. Как он выбрался из клетки, не понял никто. Это был единственный побег за всю историю спецотделения. Вову смело было можно поставить в один ряд с Червонцем и Ленкой Пантелеевым, рванувшими из «Крестов». Даже выше, поскольку сообщников у него не было. Докторшу, к которой под одеяло залез неожиданный гость, едва не хватил паралич. Бабку в больнице уважали. После этого Вову долго били сотрудники «пьяной травмы», санитары.

В ожидании утренней выписки в клетке коротали ночь человек 30. Обычно к утру они знакомились, разбивались на группы по интересам, общались. Общая судьба, общее горе сближает людей. И тут уже под утро привозят нового посетителя. Обманутый муж заливал горе водкой, в каком-то кабаке устроил драку с официантами, попал в милицию и в результате в ту же клетку, к своему обидчику. Хотя не исключен тонкий расчет с его стороны, – «пьяная травма» была единственной в городе, все дороги битых пьяных сходились в одном месте, на Пионерской 16. И тут началось самое интересное. Публика разделилась, кто-то встал на сторону обманутого мужа, кто-то, не разобравшись в причинах, просидевший в клетке с вечера, удивился такой наглости: «Как это так? Как посмел какой-то новичок, еще не отмотавший срока, с порога наесть на их старого товарища, уже хлебнувшего зоны?» – и тоже принял самое активное участие в драке, но на стороне Вовы. Через несколько минут в клетке дрались все. Санитаров в ту ночь стоило пожалеть. Из кучи они пытались вытаскивать клиентов по одному, вязали ласточкой и складывали во дворе на асфальт, остыть. Работу закончили только с приходом на помощь новой смены. Эту драку потом вспоминали долго, ни до, ни после ничего подобного там не случалось. Вспоминали и меня, недобрым словом, как ее косвенного виновника. А Вова? Вове проломили череп. Кто конкретно, тут уже никакому следствию разобраться не удалось. Вову перевели в реанимацию, выжил он после трепанации черепа или нет, я так и не узнал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.